

Эльфийские

войны

ДУГААС
Найлз

Дуглас Найлз
Эльфийские войны
Серия «Эльфийские нации», книга 2

Скан и вычитка – Alex Mustaeff
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157047

Эльфийские войны: Максима; 2006

ISBN 5-94955-087-0

Оригинал: DouglasNiles, "The Kinslayer Wars"

Перевод:

Ольга В. Патникова

Аннотация

Смерть Ситэла, Звездного Пророка, положила начало кровопролитным войнам, в которые оказались втянутыми все обитатели Кринна. Эльфийскому народу грозит гибель, и спасти его способны только сыновья Ситэла, близнецы Ситас и Кит-Канан. Братья умны и отважны и готовы бок о бок сражаться с безжалостным врагом, но между ними встало древнее пророчество: каждому из близнецов предсказано быть правителем своего народа.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	7
Часть I	20
Конец зимы, год Ворона	20
Весна	34
Той же ночью в армии Эргота	49
Генеральное сражение	57
После битвы	84
Осень, год Ворона	93
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дуглас Найлз

Эльфийские войны

(Эльфийские нации-2)

Предисловие

Грандиозная мозаика истории Кринна составлена из множества фрагментов: здесь сталкиваются герои и злодеи, возникают глобальные конфликты, разыгрываются драмы неизбежного возмездия. Главные герои, подобно актерам на великой сцене мира, направляют основные события истории.

Для меня было честью получить возможность написать эту часть эпопеи, вплетенную в огромный исторический ковер. Эльфийские войны – краеугольный камень Саги о Копье, ее фантастического мира. Этот конфликт образовал ядро истории двух наиболее могущественных народов Кринна. Мой рассказ основан на эпизодах ранней истории мира, хотя они связаны с событиями, имевшими место в Век Смертных и позднее.

Саги Кринна описывают сложные взаимоотношения между эльфийскими королевствами-близнецами, Квалиности и Сильванести; многое объединяет их, но многое и разделяет. Это история о том, как древняя родина старейшего из всех

народов расколосась надвое, о том, как возникли две страны. Это также и история двух братьев-близнецов, Ситаса и Кит-Канана, повесть о том, как их братская привязанность окрепла в минуты опасности, но, в конце концов, была разрушена силами, не подвластными ни одному из них.

Как и все хорошие книги, эта история имеет определенный подтекст и поднимает весьма актуальную для современного мира тему.

Эта тема – центральная для многих произведений жанра фэнтези – разрушительные последствия расизма. В некотором роде этнические трения между эльфами, гномами и людьми, о которых обычно повествуется, символизируют раскол, возникающий в наших обществах. Возможно, различия между сказочными народами более глубоки и очевидны, чем различия, существующие в реальном мире, но они служат предупреждением против зла, которое несет в себе любой вид ксенофобии.

Во время Эльфийских войн расовая ненависть вспыхивает с такой силой, что разделяет не только целые народы, но и семьи, общества, племена. Она убивает, ранит и оставляет глубокие следы. Эти трагические противоречия не так уж сильно отличаются от межнациональной розни, терзающей мир в наши дни.

Но я надеюсь, что, читая историю трагедии и раскола, вы заметите, что это также повесть о прогрессе, о надежде, о том, что даже в огне войны встречаются примеры истинной

доброты, а сила духа ломает преграды кровных уз, традиций и предрассудков...

И о том, что даже в бездонных глубинах тьмы может родиться любовь.

Пролог

Зима, год Овна

(2215 г. до н. э.)

– Император прибыл – он въезжает в крепость через Южные ворота!

Крик, звеня, эхом отозвался в стенах Каэргота, вырываясь из тысячи труб, слышимый миллионами ушей. Огромный палаточный городок, окружавший могучий замок, охватило возбуждение, а сама вздымавшаяся к небесам крепость буквально задрожала в ожидании.

Экипаж императора Квивалина Сота Пятого, которого иногда называли Ульвом, с грохотом проехал через гигантские ворота, увлекаемый упряжкой из двенадцати белых лошадей; за каретой следовал пятитысячный эскорт. С каждого парапета, с каждой зубчатой башни и с крепостного вала одетые в шелк дамы, гордые аристократы и придворные махали и выкрикивали приветствия.

Отвесные стены, облицованные серым камнем, возвышались над процессией, они господствовали над окружающими хуторами, как гора господствует над равниной. Четверо массивных ворот, вытесанных из долинного дерева, высотой восемьдесят футов, защищали гигантскую крепость от любого возможного нападения, и они были испытаны на деле.

Створки гордо носили ожоги драконьего дыхания со времен Второй войны с драконами, бушевавшей более четырехсот лет тому назад.

Внутри Каэргот представлял собой лабиринт улиц, высоких и узких ворот, путаницу каменных зданий с неизменно высокими стенами. Они извивались, карабкались вверх, образуя террасу за террасой, в виде гранитной головоломки, непостижимой для приезжих, пока не достигали сердца города – огромного замка.

Экипаж с имперским величием проехал через внешние укрепления и покатился по улицам, минуя открытые ворота, а затем вниз по самой широкой аллее, к центру замка. С крепостного вала свешивались черные, красные и темно-синие флаги. Карету императора сопровождал непрекращающийся рев толпы.

За крепостными стенами, на окружающих полях, раскинулось море палаток, и из него в город вливался поток тяжелооруженных всадников двухсоттысячной императорской армии. Хотя они держались в стороне от аристократов и офицеров крепости, радость их была не менее буйной. Они хлынули в замок вслед за императорской процессией, и их вопли и крики «ура» слышны были за толстыми каменными стенами.

Наконец кортеж достиг просторной площади, прохладной и туманной из-за брызг сотни фонтанов. На другой стороне площади, вздымаясь чуть ли не до облаков, показалось ис-

тинное чудо Каэргота – королевский дворец. Высокие стены украшали могучие башни, остроконечные крыши казались далекими и недостижимыми. Хрустальные окна отражали и преломляли солнечный свет, превращая его в слепящие радужные лучи которые, искрясь, пронизывали шипящую за весу фонтанов.

Экипаж подъехал по широкой мощеной дороге к воротам дворца. Серебряные створки ворот, сверкающие словно зеркала, были широко распахнуты. В проеме стоял сам царственный хозяин, король Трангат Второй, лорд Каэргот, самый верный вассал императора Эргота.

Императорский экипаж остановился. Дюжина закованных в доспехи воинов зазвенела алебардами, и сама: королевская дочь отворила дверцу блестящего стального экипажа. Толпа хлынула на площадь, пробираясь даже через бассейны фонтанов, – все пытались увидеть царственного путника. Со всех сторон, с окружающих стен и башен, стоявшие плечом к плечу люди криками выражали восхищение.

Император, сверкнув зелеными глазами, выпрыгнул из высокой кареты с изяществом, заставлявшим забыть о его пятидесяти годах. В бороде и волосах у него уже серебрились отдельные пряди, но его железная воля лишь закалилась за десятилетия правления. Он прославился как справедливый, но беспощадный и решительный правитель, который привел свой народ к невиданному процветанию.

Сейчас император, в мантии из багрового меха, развева-

ющеюся над черной шелковой туникой, отделанной платиной, не обратив внимания на внезапно смутившегося короля Каэргота, быстро подошел к трем людям, безмолвно стоявшим за спиной монарха. Они были бородаты, облачены в шлемы и нагрудники из сияющих стальных пластин и сапоги выше колен, а под мышкой держали пары латных перчаток. И они ожидали очереди приветствовать самого могущественного человека в Ансалоне.

Император каждого заключил в объятия, говорившие о глубочайшей привязанности, и крики толпы достигли высшей точки. Он снова обернулся и помахал народу.

Затем Квивалин Пятый повел троих к хрустальным дверям в королевский дворец. Створки мягко отворились, и, когда они снова сомкнулись, рев снаружи превратился в слабый гул.

– Найди нам место, где можно поговорить наедине, – приказал император, не оборачиваясь к королю Трангату.

Царственный хозяин замка тут же поспешил вперед, раболепно кланяясь и делая знак императору и его сопровождающим следовать за ним через высокую дверь из потемневшего красного дерева.

– От души надеюсь, что моя скромная библиотека соответствует требованиям моего драгоценного господина, – пропыхтел старый король и склонился так низко, что зашатался и на какое-то мгновение чуть не потерял равновесие.

Император Квивалин не промолвил ни слова, пока он и

трое людей не вошли в библиотеку и двери бесшумно не закрылись за ними. Пол огромной комнаты, до самых дальних уголков, был облицован угольно-черным мрамором. Высоко вверху виднелся потолок из дорогого темно-коричневого дерева. Единственным источником света были высокие и узкие хрустальные окна; свет проникал сквозь них, подобно горячим столбам, и поглощался непроницаемой темнотой мраморных плит.

Вдоль стен стояло несколько мягких кресел, но никто не сделал и шага в их сторону. Император обвел всех пронизывающим, властным взглядом.

– Вы трое – мои самые великие полководцы, – произнес Квивалин Пятый неожиданно мягким голосом, контрастирующим с его пристальным взглядом. – А теперь в вас воплощается надежда и будущее всего человечества!

При этих словах трое людей чуть распрямили плечи и стали даже немного выше ростом. Император продолжил:

– Мы достаточно долго сносили дикость эльфов. Их упрямое нежелание уступить нам наши законные земли на равнинах превысило людское терпение. Национальная гордость их Пророка превратила дипломатию в оскорбление. Наши разумные требования подняты на смех. Непримируемости эльфов нужно положить конец!

Внезапно взгляд Квивалина, вспыхнув, остановился на одном из троих – самом старшем, если судить по его белой бороде и длинным седым волосам. Линии, выдававшие силь-

ный характер, прорезали лицо этого человека, и, несмотря на его малый рост, от него веяло тихой, сдержанной силой.

– А теперь, верховный генерал Барнет, расскажи мне о своих планах.

Старший из воинов прокашлялся. Ветеран, прослуживший сорок лет нынешнему императору, а до него – Квивалину Четвертому, Барнет, тем не менее, никогда не чувствовал себя совершенно спокойно перед лицом своего августейшего повелителя.

– Ваше Величество, мы наступаем на равнины тремя большими группами – мощная атака начнется в центре, два крыла будут двигаться севернее и южнее. Я сам командую центральной армией из тысячи тяжеловооруженных копейщиков и пятидесяти тысяч крепких пехотинцев в металлических доспехах, с щитами и пиками. Это в основном моряки и лесорубы из Дальтигота и с юга, из них десять тысяч вооружены самострелами. Мы двинемся прямо по направлению к Ситэлбеку – нам известно, что это ядро эльфийской обороны, крепость, которую защищает сам эльфийский генерал. Наша цель – заставить противника принять бой со мной, а в это время северное и южное крыло должны взять его в кольцо. Они послужат подвижными молотами, сгоняющими врага к наковальне моей армии.

Верховный генерал Барнет взглянул на одного из своих командующих:

– Генерал Ксальтан возглавляет южное крыло.

Ксальтан, рыжебородый воин с густыми бровями и дырой на месте переднего зуба, казалось, смотрел на императора со злобным, жестоким выражением, но так только казалось из-за его воинственной внешности. Когда он заговорил, в голосе его слышалось почтение.

– У меня есть три отряда тяжеловооруженных копейщиков, Ваше Величество, и столько же пехоты, сколько и у Барнета, – в кожаных доспехах для быстроты передвижения.

На мгновение Ксальтан будто засомневался, затем храбро продолжил:

– Я вынужден сообщить, что артиллерия карликов не оправдала наших ожиданий. Но их инженеры трудятся даже сейчас, пока мы говорим. Я уверен, что мы сможем задействовать лавовые пушки уже в начале кампании.

От этой новости глаза императора слегка сузились. Никто, кроме Ксальтана, не обратил внимания на изменения в выражении его лица, но двое других заметили, что обычно краснолицый ветеран сильно побледнел.

– А ты, Гиарна? – спросил император, оборачиваясь к третьему полководцу. – Как проходит первая кампания Генерала-Мальчишки?

Гиарна, молодость которого выдавали его гладкая кожа и мягкая, вьющаяся борода, никак не отреагировал на прозвище. Напротив, он выпрямился с небрежностью, которая могла быть истолкована как дерзость, если бы не почтительность, отражавшаяся на его лице, пока он размышлял над от-

ветом. Даже при этом взгляд его заставлял поежиться окружающих – и самого императора. Глаза у Гиарны были темными, глубоко в них таилась угроза, и от этого генерал выглядел старше своих лет.

Два генерала взглянули на молодого человека, едва заметно нахмурившись. В конце концов, всем было известно, что своим привилегированным положением Гиарна больше обязан своей знаменитой любовнице, герцогине Сюзине Квивалин, племяннице императора, чем каким бы то ни было боевым навыкам.

И все-таки даже недоброжелатели неохотно, но признавали воинскую отвагу, которую Гиарна проявил во время штурма крепостей повстанцев на равнинах Вингаард. Он отличался храбростью и был хорошим тактиком, так что теперь ему оставалось лишь проявить свое стратегическое мастерство.

При обычных обстоятельствах генералу Гиарне пришлось бы ждать еще несколько лет, чтобы доказать свое умение командовать армией в бою, – до тех пор, пока он не состарится и не созреет. Однако череда недавних трагических происшествий – взбрыкнувшая лошадь, внезапно вернувшийся домой ревнивый муж, неправильно понятая команда к отступлению – стоила жизни трем генералам, стоявшим на пути к этому посту. Таким образом. Гиарна, несмотря на молодость, получил шанс.

И теперь, гордо стоя перед своим императором, он отве-

чал:

– Мои силы наименее значительны. Ваше Величество, но они самые подвижные. У меня есть двадцать тысяч всадников – лучников и копейщиков, – а также десять тысяч пехоты, вооруженной мечами и луками. Я намерен, стремительно наступая, отрезать Гончих от их базы в Ситэлбеке. Затем я дождусь Кит-Канана и в ключья разнесу его армию с помощью моих лучников и кавалерии.

Гиарна сообщил все это холодно, даже не оглянувшись на своих начальников, словно два других командующих были лишь бременем в этой первой большой экспедиции Генерала-Мальчишки. Старшие генералы вспыхнули; смысл сказанного был им ясен.

Императору тоже все было ясно. Квивалин Пятый улыбался, размышляя о планах своих генералов. За стенами похожей на пещеру библиотеки, во всем просторном дворце по-прежнему слышался рев восхищенной толпы.

Внезапно император хлопнул в ладони, и резкий звук разнесся по огромной комнате. Отворилась боковая дверь, и к ним, ступая по блестящему полу, приблизилась женщина. Даже двое старших военных – оба не доверяли ей и терпеть ее не могли – признались бы, что ее красота была ошеломляющей.

Ее волнистые медно-рыжие волосы поддерживала драгоценная платиновая диадема, унизанная алмазами. Зеленое шелковое платье охватывало полную грудь и бедра, пояс,

украшенный рубинами и изумрудами, подчеркивал тонкую талию. Но больше всего поражало ее лицо – широкие скулы, гордый узкий подбородок и, самое главное, глаза. Они светились таким же зеленым огнем, как изумруды на ее поясе, – этот почти неестественный цвет глаз отличал людей из рода Квивалина.

Сюзина Квивалин склонилась в реверансе перед своим дядей-императором и, не поднимая глаз, ожидала его вопросов.

– Что ты сообщишь нам о состоянии дел в армии противника? – спросил правитель. – Твое зеркало смогло помочь тебе в этом?

– Да, это так, Ваше Величество, – ответила она. – Хотя до эльфийской армии далеко, условия оказались хорошими. Я смогла многое увидеть. Эльфийский генерал Кит-Канан развернул свои силы в виде тонкого заслона по всей равнине, далеко выдвинув их перед крепостью Ситэлбек. У него мало кавалерии – явно менее тысячи. Любая из твоих армий численностью превосходит все его силы в два-три раза.

– Великолепно, – заметил Квивалин и снова хлопнул в ладони, на этот раз дважды.

Через другую дверь, тяжело ступая, в комнату вошел приземистый незнакомец. Сюзина ту же отвернулась, намереваясь уйти. Она задержалась лишь для того, чтобы встретить взгляд Гиарны, словно ища что-то в его глазах. Что бы она ни искала, она этого не увидела. В этом взгляде была лишь

темная, ненасытная жажда крови. В следующее мгновение женщина исчезла за той же дверью, в которую вошла.

Тем временем новоприбывший подошел к четырем людям. Он горбился, из-за чего походил на обезьяну, и ростом был не выше четырех футов. Впечатление гротеска усиливалось кривой усмешкой. И если глаза Сюзины были восхитительны, выражая гордость и величие, то безумные, широко раскрытые глаза гнома казались белыми из-за крошечных зрачков. Взгляд их бешено метался от одного человека к другому.

Если император и почувствовал отвращение при виде гнома, он не показал этого. Он лишь задал вопрос:

– Какая часть Торбардина находится на нашей стороне?

– Высокий господин, гномы из моего собственного клана, Тейвар, предлагают тебе поддержку. Мы разделяем твою ненависть к надменным эльфам и жаждем их разгромить и уничтожить!

– Пока это приносит выгоду, – без выражения заметил император.

Гном снова поклонился – он был слишком толстокожим, чтобы обижаться.

– Твое Величество может утешиться тем, что купленная верность всегда принадлежит самому богатому – а здесь тебе нет равных во всем Кринне!

– И в самом деле, – сухо ответил Квивалин. – А что насчет других гномов – Хилар, Дергар?

– Увы, – вздохнул гном из рода Тейвар. – У них не такой широкий кругозор, как у моего клана. Гномы Хилар, по-видимому, связаны древними договорами и привязанностями. Наше влияние значительно, но его пока недостаточно, чтобы разорвать эти путы.

Гном заговорщически понизил голос:

– Однако, господин, у нас есть один агент во вражеском лагере – один из Тейвар, – и уверяю тебя, что на долю твоих противников приходится мало спокойных часов.

– Великолепно, – кивнул император. Если ему и стало любопытно, кто же такой этот агент Тейвар, он не подал и виду. – Одна стремительная кампания заставит их подчиниться. Я рассчитываю изгнать их с равнин до наступления зимы. К весне эльфийские трусы будут готовы подписать мир!

В глазах императора внезапно вспыхнул тусклый огонек, выдававший осознание собственной силы и жестокость, позволившую ему послать на смерть тысячи людей в дюжине войн, в которых участвовала его империя. Глаза его загорелись ярче при мысли о высокомерии эльфов-долгожителей и их проклятом упрямстве. Голос его превратился в рычание:

– Но если они продолжают сопротивление, мы не удовлетворимся войной на равнинах. Тогда вы двинетесь к самой эльфийской столице. Если это окажется необходимым для доказательства нашего могущества, мы превратим Сильваност в груды пепла!

Генералы склонились перед своим правителем, полные

решимости выполнить приказ. Двое чувствовали страх – страх перед его властью и его прихотями. На лбу у них выступили бисеринки пота.

Однако лоб генерала Гиарны оставался совершенно сухим.

Часть I

Вкус убийства

Конец зимы, год Ворона (2214 г. до н. э.)

Лес простирался во все стороны, до самого горизонта, и его безбрежность, вечность и неизменность приносили покой. Эти просторы представляли собой сердце народа Сильванести, его бессмертный символ. Преобладали сосны, подобные башням, одетые в пышную зеленую хвою, такую темную, что она казалась черной, но среди них встречались многочисленные дубы, клены, осины и березы, придавая лесу пестрый, вечно меняющийся облик.

Этот вид можно было полностью оценить только с очень большой высоты – например, со Звездной Башни, главного здания Сильваноста. Именно сюда Ситас, Звездный Пророк, правитель Сильванести, пришел для медитации и созерцания.

Бескрайнее небо раскинулось высоко вверху – черный купол, усыпанный мерцающими звездами, похожими на булабочные головки. Луны Кринна еще не взошли, во тьме древняя красота звезд была еще более яркой и выразительной.

Долго стоял Ситас на краю парапета Башни. Он находил утешение в звездах, в непроходимом, извечном лесу вне этого острова, вне этого города. Ситас ощущал лес как истинный символ превосходства его народа. Подобно могучим стволам лесных гигантов, древние, живущие веками эльфы доминировали над суетливыми, вечно торопившимися куда-то низшими существами этого мира.

Наконец Звездный Пророк опустил взгляд на город, и чувство покоя и величия, охватившее его, немедленно развеялось. Вместо этого мысли его сосредоточились на Сильваносте, древней эльфийской столице, городе, где находился его дворец и его трон.

Ситаса раздражали слабые отзвуки пьяных голосов, раздававшиеся в ночном воздухе. Это пели гномы своим гортанным басом, словно издеваясь над его заботами и тревогами.

Гномы! От них проходу нет в Сильваносте! Везде в городе эльфов гномы, мрачно подумал правитель.

И все же гномы – неизбежное зло, со вздохом признал Ситас. Война с людьми потребовала исключительно осторожных переговоров с могущественным Торбардином, твердой гномов, расположенной к югу от спорных земель. Мощь этого многочисленного и воинственного народа, обрушья она на людей Эргота или эльфийский Сильванести, может оказаться решающим фактором.

Когда-то, годом раньше, Звездный Пророк полагал, что

гномы твердо стоят на стороне эльфов. Его переговоры с влиятельным гномом из рода Хилар, Дунбартом Железной Рукой, привели к образованию объединенного фронта против людского вторжения. Ситас считал тогда, что войска гномов встанут плечом к плечу с эльфийскими в борьбе за спорные территории на равнинах.

Однако до настоящего времени король Торбардина Хал-Вейт не прислал ни одного полка гномов, он также не открыл для растущей армии Кит-Канана ни одного из огромных арсеналов гномов. Терпеливый народец не собирался сломя голову ввязываться в войну.

Таким образом, присутствие дипломатической миссии гномов в Сильваносте являлось необходимостью. А теперь, с началом военных действий, такие миссии требовали значительного эскорта – например, посольство недавно прибывшего генерала Тан-Кара сопровождала тысяча верных воинов, вооруженных боевыми топорами.

Ситас подумал о предыдущем посланнике гномов с нежностью, удивившей его самого. Дунбарт Железная Рука в полной мере был наделен обычной гномьей грубостью, но он обладал также чувством юмора и скромностью, чертами, которые смягчали и забавляли Ситаса.

Тан-Кар подобными свойствами похвастаться не мог. Темнолицый гном из клана Тейвар, генерал демонстрировал грубость, граничащую с агрессивностью. Нетерпеливый, не склонный к сотрудничеству, посол на самом деле, казалось,

был препятствием для переговоров.

Взять, например, посланца, прибывшего из Торбардина больше недели назад. Этот гном, шедший несколько месяцев, должен был, без сомнения, принести важную весть от короля гномов. Но Тан-Кар молчал, он даже не попросил аудиенции у Звездного Пророка. Это послужило причиной встречи, которую назначил на завтра Ситас, категорически приказав Тан-Кару прийти, чтобы выяснить, что известно этому гному Тейвар.

Настроение у Ситаса было черным как ночь. Его Пристальный взгляд скользил вдоль темных очертаний берегов реки Тон-Талас, широкой водной артерии, омывавшей остров, на котором стоял Сильваност. Вода была спокойна, и он мог видеть отражение звезд на ее хрустальной поверхности. Затем снова поднялся ветерок, по воде побежала рябь, и пение воинов-гномов отнесло в сторону.

При виде реки в мозгу Пророка снова возникло непрошеное воспоминание, и неприятная сцена настолько же ясно встала перед его глазами, насколько болезненно было вспоминать ее. Это произошло более двух недель назад, но ему казалось, что это было сегодня утром. Две недели назад свеженабранные отряды отправлялись на запад, чтобы присоединиться к войскам Кит-Канана.

Длинные колонны воинов выстроились вдоль берега, ожидая своей очереди, чтобы взойти на паром и пересечь реку. Там, на далеком берегу Тон-Талас, начинался их долгий путь

к спорным территориям, находящимся в пятистах милях к западу. Пять тысяч копий, мечей и луков представляли собой значительное подкрепление для Гончих.

И вот, в первый раз за всю историю Сильванести, пондобились деньги, чтобы уговорить эльфов взять в руки оружие и воевать за своего Пророка и за свой народ. В качестве поощрения предлагалась сотня стальных слитков, выплачиваемая после вступления в армию. Даже это не привлекло под знамена Сильванести толп добровольцев, хотя после нескольких недель вербовки, наконец, удалось собрать полки достаточной численности.

А затем произошла эта сцена на берегу.

Жрицу Мирителисину недавно освободили из тюрьмы, куда отец Ситаса, Ситэл, годом ранее бросил ее за предательство. Главная жрица Квенести Па, милостивой богини исцеления и здоровья, Мирителисина громко возражала против войны с людьми. Она имела дерзость повести группу эльфийских женщин на митинг протеста против конфликта с Эрготом. Это было тошнотворное зрелище, достойное скорее людей, чем эльфов. Но жрица получила на удивление большую поддержку у зрителей – граждан Сильванести.

Ситас немедленно приказал посадить Мирителисину обратно в тюрьму, и его гвардейцы быстро разогнали собравшихся. Несколько женщин были ранены, одна из них – смертельно. Тем временем один из тяжело груженных речных паромов перевернулся, несколько эльфов-новобранцев утону-

ли. В общем, все это были дурные предзнаменования.

По крайней мере, вспомнил Ситас, начало войны заставило последних людей покинуть город. Жалкие беженцы, жертвы разбоя на равнинах – многие с эльфийскими супругами – отправились обратно на родину. Те, кто мог сражаться, присоединились к Гончим, армии Сильваноста, ядром которой являлась гвардия Защитников Государства. Остальные нашли убежище в могучей крепости Ситэлбек. Какая ирония, размышлял Ситас: людей, женатых на эльфийках, требуется укрывать в эльфийской крепости от атаки армий Эргота!

И все же во всем остальном любимый город Ситаса, казалось, все больше ускользал из-под его контроля.

Взгляд его задержался на западном горизонте, и он пожелал заглянуть за него. Где-то там, под таким же усыпанным звездами небом, спит Кит-Канан. Может быть, его брат-близнец в это мгновение смотрит на восток? Ситасу хотелось верить, что он чувствует связь с братом.

Ситас мечтал, чтобы отец был сейчас жив. Как не хватает ему мудрости Ситэла, его надежного совета и твердого руководства! Знакомы ли были отцу подобные сомнения, неуверенность? Это казалось невозможным. Ситэл был столпом силы и уверенности. Он не испытывал бы колебаний в стремлении к этой войне, призванной защитить эльфийский народ от разрушения, приносимого извне!

Чистота эльфийской нации была даром богов, как и долго-

жительность эльфов, их спокойное величие. Теперь над этой чистотой нависла угроза – человеческая кровь, а кроме нее, идеи взаимопроникновения, торговли и социальной терпимости.

Нация действительно переживала критический период. На западе, Ситас знал, эльфы начали слишком часто вступать в браки с людьми, породив целую расу существ со смешанной кровью – полуэльфов.

Во имя всех богов, это гнусность, оскорбление самим небесам! Ситас почувствовал, что кровь ударила ему в лицо, руки сжались в кулаки. Если бы он носил меч, он бы выхватил его сейчас, такая сильная жажда битвы охватила его. Эльфы должны одержать победу – и они одержат ее!

Снова он почувствовал, как далеко от него находится поле боя, и перед ним словно разверзлась зияющая пропасть крушения. И все же они еще не получили никаких известий о битве, хотя Ситас знал, что мощное вторжение началось около месяца назад. Брат сообщал о трех могучих колоннах людей, целенаправленно движущихся на равнины. Ситас хотел ехать и сражаться сам ради победы, и ему стоило огромных усилий остаться в тылу. Его здравый смысл неизменно одерживал верх.

Временами война казалась такой далекой. Но иногда он обнаруживал, что она идет рядом, здесь, в Сильваносте, в его дворце, в его мыслях... даже в его спальне.

В его спальне... Ситас уныло усмехнулся и удивленно по-

качал головой. Он подумал о Герматии, о том, как несколько месяцев назад его чувство к ней стало так похоже на ненависть.

Но затем разразилась война, и его жена изменилась. Теперь она поддерживала его так, как никогда раньше, каждый день была рядом с ним, помогала ему выносить жалобы и ничтожество его народа... и каждую ночь она тоже была с ним.

Ситас услышал или, может быть, почувствовал мягкое шуршание шелка, и в следующее мгновение она уже стояла рядом. Он глубоко вздохнул – это был вздох удовлетворения. Они стояли вдвоем, на высоте шестисот футов над городом, на вершине Звездной Башни, и на них лился лоток мерцающего света ее тезок-звезд.

Губы Герматии, необычно полные для эльфийской женщины, исказились усмешкой – коварной, затаенной усмешкой, которую Ситас находил странно притягательной. Герматия стояла рядом, касаясь ладонью груди мужа и склонив голову к нему на плечо.

Он вдыхал аромат сирени, исходивший от ее сверкающих, словно медь, волос. Ее гладкая кожа светилась молочно-белым светом, он почувствовал прикосновение ее теплых губ на своей шее. Горячая волна желания захлестнула его и отпустила лишь немного, когда Герматия расслабилась и молча встала рядом с ним.

Ситас подумал о своей непостоянной жене – как приятно было, что она приходит к нему вот так, и как редко такое слу-

чалось прежде. Герматия была гордой и прекрасной эльфийской женщиной, привыкшей во всей поступать по-своему. Иногда ему становилось интересно, сожалела ли она о своем браке, устроенном их родителями? Когда-то, он знал, Герматия была возлюбленной его брата – когда было объявлено об ее помолвке с Ситасом, Кит-Канан восстал против воли отца и сбежал из Сильваноста. Сожалела ли она когда-либо о своем выборе? Расчет ли руководил ею, желание стать в будущем супругой Звездного Пророка? Ситас не знал, возможно, он просто боялся спросить ее.

– Ты уже виделся с моим кузенком? – спустя несколько минут спросила она.

– С лордом Квимантом? Да, он пришел сегодня в Зал Балифа пораньше. Кажется, он прекрасно разбирается в проблемах производства оружия. Он понимает в горном деле, выплавке металла и кузнечном ремесле. Его помощь очень нужна... и будет высоко оценена. Мы не нация оружейников, как гномы.

– Клан Дубовых Листьев долгое время изготавливал лучшие эльфийские клинки, – гордо ответила Герматия. – Это известно во всем Сильванести!

– Меня беспокоит не качество, дорогая. Мы сильно отстаем от людей и гномов в количестве оружия. Чтобы снарядить последние полки, отправленные на запад, мы опустошили королевские оружейные палаты.

– Квимант решит твои проблемы, я в этом уверена. Он

приедет в Сильваност?

Поместье клана Дубовых Листьев находилось к северу от эльфийской столицы, неподалеку от рудников, где добывалось железо для их небольших литейных цехов. Клан, возглавлявший Дом Металла, был основным производителем оружейной стали в королевстве Сильванести. В последнее время его влияние усилилось благодаря возросшей с началом войны потребности в производстве оружия. На рудниках трудились рабы, в большинстве своем люди и эльфы Каганести, но это Ситас был вынужден разрешить – того требовала угроза, нависшая над нацией. Лорд Квимант, сын старшего из дядей Герматии, был подготовлен для роли представителя и главы клана Дубовых Листьев, и его присутствие в поместье было крайне важно.

– Думаю, приедет. Я предложил ему комнаты во дворце, а также все необходимое для клана Дубовых Листьев: права на разработку минералов, постоянное снабжение углем и рабочей силой.

– Как чудесно будет снова видеть рядом кого-то из моей семьи! – Герматия повысила голос, радуясь, словно молодая девушка. – Здесь бывает так одиноко, ведь ты думаешь только о войне.

Он опустил руку, скользя по гладкому шелку ее платья, вниз по спине, лаская ее сильными пальцами. Она вздохнула и обняла его крепче.

– Ну, может быть, не только о войне, – добавила она с ти-

хим смешком.

Ситас хотел сказать ей, каким утешением она стала для него, как сильно она облегчает его бремя лидера эльфийской нации. Он удивился произошедшей с ней перемене, но хранил молчание. Такова была его натура, и может быть, это было слабостью.

Следующей заговорила Герматия:

– Есть другая вещь, которую я должна сообщить тебе...

– Хорошая новость или плохая? – спросил он с ленивым любопытством.

– Тебе судить, хотя я подозреваю, что ты будешь доволен.

Пророк повернул голову, чтобы взглянуть на нее, положив руки ей на плечи. Легкая усмешка все еще играла у нее на губах.

– Ну? – потребовал он, изображая нетерпение, – Ты будешь дразнить меня всю ночь? Говори!

– У тебя и у меня, великий Звездный Пророк, скоро родится ребенок. Наследник.

Ситас уставился на нее, не сознавая, что у него отвисла челюсть самым неподобающим для эльфийского достоинства образом. Голова у него закружилась, и в сердце словно что-то взорвалось от ликования. Он хотел кричать о своем восторге с вершины башни, чтобы этот крик, полный гордости, звенел по всему городу.

На мгновение Ситас и в самом деле позабыл обо всем, что занимало его: о войне, о гномах, о снабжении, об оружии. Он

прижал жену к себе и расцеловал ее. Он долго держал ее в объятиях под звездами, над городом, который так тревожил его когда-то.

Но сейчас в мире все было в порядке.

На следующий день Тан-Кар пришел увидеться с Ситасом, хотя прибыл гном Тейвар почти на пятнадцать минут позже времени, назначенного Пророком.

Ситас в нетерпении ожидал его, сидя на величественном изумрудном троне предков, находившемся в центре огромного Приемного Зала. Это просторное помещение занимало основание Звездной Башни, и его отвесные стены вздымались на головокружительную высоту. В вышине, в шестистах футах над головой, через отверстие в крыше виднелось небо.

Тан-Кар, тяжело ступая, вошел в зал в сопровождении двенадцати телохранителей, словно он ожидал засады. Две дюжины эльфов из Защитников Государства, королевской гвардии Сильванести, стоявших вдоль стен зала, зазвенели оружием, взятым на изготовку.

Тейвар громко шмыгнул носом, приблизившись к Пророку, и грубый звук разнесся по залу. Ситас изучал гнома, тщательно скрывая отвращение.

Как и у всех гномов клана Тейвар, глаза Тан-Кара, с огромными белками и крошечными зрачками, имели дикое выражение. Губы его кривились в постоянной усмешке, и, несмотря на статус посла, борода и волосы гнома были нечесаными, а кожаная одежда – грязной. Как не походил он на

Дунбарта Железную Руку!

Тейвар небрежно поклонился, затем поднял взгляд на Ситаса, враждебно сверкая глазами-бусинками.

– Не будем зря тратить время, – холодно произнес эльф. – Я желаю знать, какое известие ты получил от своего короля. У него было время сочинить тебе письмо, а мы не получили ответов на наши запросы.

– Вообще-то, я вчера как раз готовил письменный отчет, когда твой курьер помешал мне, доставив приказ явиться. Я вынужден был отложить это дело, спеша на встречу.

Да, заметно, что Тан-Кар спешил, подумал Ситас, – у него не было даже времени провести гребнем по волосам или сменить заляпанную жиром тунику. Но Пророк, хотя и с трудом, сумел промолчать.

– Тем не менее, раз уж я здесь и отнимаю у Пророка драгоценное время, я могу кратко изложить суть послания, полученного из Торбардина.

– Пожалуйста, начинай, – сухо приказал Ситас.

– Королевский Совет Торбардина считает, что в настоящий момент не существует веской причины поддерживать эльфов в военных действиях на равнине, – грубо заявил гном.

– Что? – Ситас окаменел, не в силах больше сохранять внешнее спокойствие. – Это противоречит всему, чего мы достигли с Дунбартом! Без сомнения, твой народ осознает, что люди требуют не только права пасти скот на равнинах!

– Нам не известно ни о чем, что угрожало бы нашим интересам.

– Ни о чем? – грубо оборвал его эльф. – Ты знаешь людей. Они дотянутся и возьмут все, что только смогут. Они захватят наши равнины, ваши горы, лес – все!

Тан-Кар холодно рассматривал эльфа; казалось, его широко раскрытые глаза лучатся от удовольствия. Вдруг Ситас понял, что он напрасно тратит время, разговаривая с высокомерным Тейвар. Он в гневе поднялся, опасаясь, что сейчас бросится и ударит гнома, и страстно желая сделать именно это. И все же у него оставалось достаточно величия и самоконтроля, чтобы удержаться. В конце концов, война с гномами – самая последняя вещь, которая им сейчас нужна.

– Аудиенция окончена, – жестко произнес он.

Тан-Кар кивнул – самодовольно, подумал Ситас, – и отвернулся, уводя свой эскорт прочь из зала.

Ситас неподвижно глядел вслед послу гномов, внутри него все еще кипел гнев. Он не позволит – он не может позволить, – чтобы все зашло в тупик!

Но что он может поделать? Не появилось ни одной мысли, способной облегчить его тягостное бремя.

Весна

(2214 г. до н. э.)

Конь, становясь на дыбы, гарцевал по гряде холмов, оставаясь в защитной тени росших вдоль дороги деревьев. Густые зеленовато-голубые сосны укрывали коня и его всадника-эльфа с трех сторон. Наконец могучий жеребец Киджо застыл на месте, позволив Кит-Канану взглянуться сквозь влажные, пахучие ветви в широкие просторы, открывавшиеся внизу.

Неподалеку двое Гончих – личные телохранители Кита – настороженно застыли в седлах, с мечами наготове, внимательно оглядываясь по сторонам. Эльфы нервничали, видя, как их командир выставляет себя напоказ врагам в долине внизу.

А врагов было немало! Длинная колонна армии людей извивалась, словно змея, и хвост ее терялся вдалеке, и даже эльфы с их острым зрением со своей позиции высоко на вершине гряды не видели его. Авангард армии, отряд тяжеловооруженных всадников с копьями, на мощных, грохочущих копытами боевых конях, уже миновал их.

Теперь мимо маршировали колонны копьеносцев, тысячи за тысячами, протянувшись на милю вниз по хребту. Это было центральное крыло огромной армии Эргота, которая следовала по самому короткому пути по направлению к Ситэл-

беку и представляла непосредственную угрозу для Гончих. Кит-Канан обернулся с мрачной усмешкой, и Киджо устремился в укрытие, в чащу леса.

Командующий Гончими знал, что войска его готовы к этой первой битве первой войны его народа за последние четыреста лет. Со времен Второй войны с драконами эльфы из гвардии Защитников Государства не выходили на поле боя, чтобы защищать свой народ от иноземной угрозы.

Кольцо на его пальце – кольцо Ульфора – его отец получил как память о союзе между кендерами и эльфами во времена Второй войны с драконами. Теперь его носил Кит-Канан, и он готовился к битве в новой войне. На какое-то мгновение он задумался о том, как назвали бы эту войну, если бы Асти-нус, взял в руку перо, чтобы занести повесть о ней в свои великие анналы.

Несмотря на то, что Кит-Канан был молод для эльфа – он родился каких-то девяносто три года назад, – он чувствовал, что бремя многовековых традиций давит его. Он не питал никакой ненависти к этим людям, но в то же время представлял себе угрозу, исходящую от них. Если вражескую армию сейчас не остановить, половину Сильванести поглотят жадные поселенцы-люди, а эльфов загонят в один из тесных углов их когда-то обширных владений.

Людей необходимо победить. Это задача Кит-Канана, командира Гончих, – принести победу эльфийской нации.

Среди деревьев мелькнула какая-то фигура, заставив те-

лохранителей со свистом взмахнуть мечами, затем они узнали всадника.

– Старший сержант Парнигар, – кивнул Кит-Канан ветерану Гончих, своему главному помощнику и надежному разведчику. Сержант был одет в кожаные доспехи зеленого и коричневого цветов, он ехал на приземистой, проворной лошади.

– Войска находятся на позициях, господин, – всадники за холмом, за ними тысяча эльфов из Сильваноста, вооруженных пиками.

Парнигар, заслуженный воин, сражавшийся во Второй войне с драконами, помогал набирать под знамена Кит-Канана первые отряды диких эльфов. Теперь он докладывал об их готовности умирать за дело Сильванести.

– Лучники Каганести хорошо скрыты и имеют достаточно боеприпасов. Нам остается лишь надеяться, что люди отреагируют так, как нам нужно.

Парнигар произнес эту речь со скептическим выражением лица, но Кит решил, что это лишь следствие природной осторожности эльфа. Серое лицо сержанта напоминало старую кожаную карту. Он с обманчивой небрежностью сложил крепкие руки на луке седла. Его зеленые глаза все подмечали. Даже разговаривая с генералом, старший сержант пристально вглядывался в линию горизонта.

Парнигар невольно сутулился в седле, и осанка его более напоминала человеческую, чем эльфийскую. И в самом деле,

старый воин несколько лет тому назад взял в жены женщину из людей и многое успел перенять у этой расы. Он говорил быстро и двигался возбужденно – эти черты были больше свойственны людям, чем эльфам.

И все же Парнигар не забывал о своем происхождении. Он принадлежал к Защитникам Государства и служил в отрядах Гончих с тех пор, как научился обращаться с мечом. Он был одним из самых выдающихся воинов, которых знал Кит-Канан, и генерал был рад, что им придется сражаться рядом.

– Проводники людей попали в засаду и были убиты, – рассказал ему Кит-Канан. – Их армия лишилась зрения. Уже почти пора. Поехали со мной!

Командир Гончих ударил коленями в бока Киджо, и жеребец, сорвавшись с места, устремился в лес. Он так стремительно несся среди стволов, что скоро фигура Кит-Канана превратилась в неясное пятно. Парнигар скакал следом, и двое гвардейцев напрасно прищпоривали коней, стараясь не отставать.

Некоторое время двое всадников неслись сквозь чащу, сосновые ветки хлестали их по лицу, но кони ни разу не споткнулись. Внезапно лес кончился, и перед ними открылся широкий, слегка волнистый гребень холма. Внизу, справа, маршировала бесчисленная людская армия.

Кит-Канан снова прищпорил Киджо и оказался в поле зрения людей. Светлые, блестящие на солнце волосы свободноразвевались – он оставил шлем привязанным к седлу. На

скаку он поднял руку в латной перчатке.

Он был великолепен в своей скачке по гребню холма над врагами, кишевшими внизу. Как и у его брата-близнеца Ситаса, лицо Кит-Канана было гордым и прекрасным, с выступающими скулами и острым, волевым подбородком. Он был худощав, подобно другим представителям своей расы, но достаточно высок, чтобы казаться величественным.

В то же мгновение трубачи Сильваноста вскочили на ноги – они лежали в траве как раз в этом месте холма. Одновременно подняв золотые горны, они протрубили резкий сигнал, пронесшийся над холмистой равниной. За спинами трубачей, скрытые от врага вершиной холма, эльфийские всадники вскакивали на лошадей, а лучники опускались на колени в высокой траве, ожидая команды к бою.

Гигантская колонна людей, поколебавшись, остановилась, словно сбитая с толку гусеница. Люди оборачивались, уставившись на многоцветье вымпелов и флагов, возникших среди деревьев. Ряды солдат смешались: каждый невольно испытывал страх.

Затем людская армия застыла в изумлении: над гребнем холма показалась длинная, ровная линия эльфийских всадников. Над головами разворачивались знамена, сверкали стальные наконечники копий. Их было не больше пяти сотен, хотя каждый солдат армии людей клялся потом, что их атаквали тысячи эльфийских кавалеристов.

Всадники устремились вперед, сохраняя четкий, как на

параде, строй. Внизу, в долине, кое-кто из людей поддался страху и обратился в бегство, но остальные воины, готовые к битве и жаждущие ее, подняли копья и мечи.

Тяжелая кавалерия, возглавлявшая чудовищную колонну, повернула могучих боевых лошадей обратно. Но она находилась в двух милях от места боя, и отряды ее скоро рассеялись, пробиваясь через пехотные полки, преградившие ей путь.

Эльфийские всадники приближались к центру колонны, грязь летела из-под копыт, от громового топота дрожала земля. Затем в двухстах футах от противника они остановились. Все лошади закружились на месте, и из клуба пыли, поднятого неожиданным маневром, полетели пятьсот стрел, подобно смертельно опасным ястребам, обрушиваясь на многочисленные отряды людей.

Снова дождь стрел настиг колонны людей, и внезапно эльфийские всадники отступили, стремительно скрывшись за гребнем холма, откуда они пошли в атаку всего несколько мгновений назад.

В этот самый миг люди поняли, что у них хотят отнять радость битвы, и из десяти тысяч глоток вырвался яростный рев. В воздухе замелькали поднятые мечи и щиты, рядовые рванулись вперед, нарушив строй без приказа командиров, с проклятьями бросившись вдогонку эльфийским всадникам. Взбешенная толпа беспорядочно начала карабкаться вверх по склону, объединенная лишь яростью.

Резкий звук трубы раздался на невысокой вершине, и из травы перед атакующими людьми возникли одетые в зеленое эльфы – они словно выросли из-под земли.

В следующее мгновение небо потемнело от тучи эльфийских стрел – они взлетели вверх, сияя на солнце стальными остриями, затем, описав дугу высоко над головами людей, неотвратно устремились вниз. Прежде чем первые стрелы достигли цели, в воздух поднялась новая туча стрел – жестоких, не знающих промаха.

Стрелы обрушивались на людские шеренги, настигая любого, независимо от положения. Смертоносный дождь поливал толпу, пробивая стальные шлемы и нагрудники, кожаные наплечники. Крики и вопли раненых смешались в единый гул, кто-то беззвучно корчился в агонии, кто-то неподвижно лежал в покрасневшей траве.

Снова и снова поднимались в воздух стрелы, и натиск людей ослаб. Поле усеивали тела. Некоторые, жалко извиваясь, ползли назад в поисках укрытия.

По мере того, как смерть уносила все больше людей, над их войском ощутимо сгущалось облако страха. И вот, сначала по двое, потом по пятеро, десятеро, они разворачивались и устремлялись обратно, к колонне. Наконец они отступали уже сотнями, спеша вниз по покрывшемуся грязью склону, преследуемые неотступным градом стрел. Они исчезли, а за ними и эльфийские лучники, скрывшиеся за гребнем холма.

Наконец показалась тяжелая кавалерия, и великая армия

возликовала. Тысяча отважных рыцарей, облаченных в доспехи с ног до головы, гнали своих огромных коней. Могучие животные скакали с грохотом, словно чудовища, облаченные в бряцающие пластинчатые панцири. Над отрядом трепетало облако ярких вымпелов.

Кит-Канан, по-прежнему сидя на гордом коне, смотрел на воинов с вершины холма. Не страх, но осторожность заставила его умерить пыл по мере того, как приближалась эта огромная масса лошадей, людей и металла. Тяжеловооруженные рыцари, как ему было известно, составляли самую мощную часть армии людей.

Он предвидел это, но лишь время покажет, в состоянии ли Гончие справиться со своей задачей. На мгновение Кит-Канан поддался смятению и уже решил было отдать приказ о немедленном отступлении. Безумие, тут же оборвал он себя. Теперь надежда лишь на стойкость, а не на бегство. Рыцари приближались, и Кит-Канан, развернувшись, галопом поскакал вслед за лучниками.

Огромные лошади неумолимо скакали вверх по склону, к пологому гребню холма, где скрылись эльфийские всадники и лучники. Люди не видели противника, но рассчитывали найти его сразу же за вершиной. Рыцари прищпоривали лошадей и выкрикивали вызов на бой, поднимаясь на холм и устремляясь навстречу врагу. В спешке они расстроили свои плотные ряды, горя нетерпением сокрушить смертоносных эльфийских лучников и легковооруженных копьеносцев.

Но вместо этого они встретили фалангу эльфов с пиками – сияющие стальные острия Гончих оцетинились, словно стена смерти. Эльфы стояли плечом к плечу большими группами. Верховые и пешие лучники укрылись в центре, а три ряда воинов с пиками держали наготове оружие: ряд на колене, ряд – припав к земле и ряд – стоя, готовя верную смерть лошади, настолько неразумной, чтобы приблизиться.

Могучие боевые кони, почуяв опасность, разворачивались, вставали на дыбы и вертелись на месте, отчаянно стараясь избежать копий. К несчастью для всадников, это создало неразбериху в их рядах. Многие животные повалились наземь, и еще большее число панически напуганных лошадей сбросило седоков, и те остались лежать на земле, не в силах даже подняться на ноги из-за тяжелых доспехов.

Из рядов Гончих со свистом вылетели стрелы. Небольшие луки кавалерии не причиняли вреда закованным в железо рыцарям, но стрелы с зазубренными наконечниками, выпущенные из больших луков пехотинцев, с такого короткого расстояния пронзали насквозь самые толстые панцири. Крики боли и страха заглушили боевые кличи рыцарей, и в следующее мгновение кавалеристы, все как один, развернулись и с грохотом помчались обратно через холм, оставив несколько дюжин своих стенающих собратьев на земле почти у ног эльфийских воинов.

– Бегите, ублюдки! – с ликованием прорычал Парнигар, сопровождавший Кит-Канана.

Генерал разделял бурную радость своего помощника. Они сдержали натиск рыцарей! Они отбросили атакующих!

Кит-Канан и Парнигар из центра самой большой группы наблюдали за отступлением рыцарей. Старший сержант взглянул на командира, жестом указывая на павших воинов. Некоторые из этих несчастных лежали неподвижно, потеряв сознание после падения с лошади, другие старались подняться на колени или корчились от боли. Еще больше людей, пронзенных эльфийскими стрелами, лежало на вершине холма.

– Отдать приказ прикончить их? – спросил Парнигар, готовый послать туда отряд воинов с мечами. Глаза воина вспыхнули мрачным огнем.

– Нет, – ответил Кит-Канан, угрюмо взглянув на сержанта, поднявшего брови. – Это первая стычка великой войны. Пусть никто не сможет сказать, что мы начали ее, устроив бойню.

– Но – но это же рыцари! Самые могучие воины во всей армии людей! А что будет, если их излечат и они вернуться в строй? Ты же не хочешь, чтобы они снова выступили против нас? – Парнигар говорил негромко, но уверенно.

– Ты прав, эти люди несут верную смерть. Если бы мы не подготовились так тщательно к их нападению, я не уверен, что мы смогли бы сдержать их. И все же...

Мозг Кит-Канана бился над решением стоящей перед ним проблемы, и вдруг лицо его озарилось.

– Пошли туда воинов, но прикажи им не убивать. Пусть они заберут у раненых оружие и флаги. Пусть принесут все сюда, но людей оставят в живых.

Парнигар кивнул, довольный решением генерала. Он поднял руку, и ряд воинов с пиками разделился, освобождая путь боевому коню старшего сержанта. Выбрав сотню старых солдат, он приступил к исполнению приказа.

Кит обернулся, почувствовав позади движение. Он увидел, что копьеносцы расступаются, и на этот раз, чтобы пропустить угрюмого эльфийского всадника на взмыленной, покрытой пылью лошади. Сквозь пыль Кит различил прядь снежно-белых волос.

– Белый Локон! Рад видеть тебя. – Кит легко соскользнул с седла, следуя примеру Каганести. Генерал горячо сжал руку всадника, ища в глазах дикого эльфа намек на привезенную новость.

Белый Локон откинул волосы со лба, на котором красовались черные и белые линии. По обычаю он был в полной боевой раскраске. После долгого путешествия он весь покрылся грязью. Разведчик и курьер Гончих проскакал сотни миль, чтобы сообщить о передвижениях армии людей.

Сейчас Белый Локон почтительно кивнул Кит-Канану.

– Люди продвигаются на юг, но с небольшими успехами, – начал он. – Они еще не пересекли эльфийскую границу, так медленно они идут.

В тоне Белого Локона звучало презрение – презрение, по-

добное тому, что Кит-Канан когда-то уловил в его отзыве о «цивилизованных» эльфах хрустального Сильваноста. Действительно, дикие эльфы Каганести редко питали большую любовь к своим городским сородичам. Эта неприязнь, без сомнения, была следствием предубеждения эльфов Сильванести по отношению ко всем другим народам.

– Что-нибудь новое из Торбардина?

– Ничего определенного. – Каганести продолжил доклад, и его тон подразумевал, что гномы находятся далеко не на первом месте в его списке достойных народов. – Они обещают помощь в случае, если люди совершат явную провокацию, но я им не поверю до тех пор, пока не увижу, как они возьмут в руки оружие и пойдут в бой.

– Почему южное крыло эрготианской армии движется так медленно? – Кит-Канан с помощью своих разведчиков-Гончих выслеживал три мощных крыла гигантской армии из Каэргота, каждое из которых превосходило по численности все отряды Гончих, вместе взятые.

– У них трудности с карликами, – продолжал Белый Локон. – Они на сотне быков тащат с собой какую-то чудовищную машину, она дымит и изрыгает пар. За ней следует целый караван повозок, везет уголь для этой машины.

– Должно быть, это какое-то оружие, но какое? Ты не знаешь?

Белый Локон покачал головой.

– Сейчас оно увязло в болоте в нескольких милях от гра-

ницы. Может быть, они его бросят. А если нет... – Каганести пожал плечами. Это была очередная глупость врага, которую он не мог ни предвидеть, ни понять.

– Ты приносишь хорошие вести, – удовлетворенно заметил Кит. Уперев руки в бока, он взглянул вверх, на гребень холма, откуда возвращались Парнигар и его воины. Многие размахивали захваченными знаменами Эргота или высоко поднимали шлемы с длинными развевающимися плюмажами. Перепуганные обезоруженные люди карабкались вверх и исчезали за холмом, по-прежнему пребывая в страхе за свою жизнь.

Сегодня Кит и Гончие нанесли внезапный удар по центральному крылу эрготианской армии. Он надеялся, что смятение и страх после эльфийской атаки на несколько дней задержат их продвижение. Новости с юга обнадеживали. Пройдут месяцы, прежде чем им что-либо будет угрожать с той стороны. Но что происходит на севере?

Беспокойство не оставляло его, пока Гончие быстро переорганизовались из боевого в походный порядок. Путь их лежал через местность, кое-где покрытую лесами, и армия образовала пять широких, нестройных колонн. Они следовали параллельно друг другу, на расстоянии около четверти мили. При необходимости они легко смогли бы обогнать любую армию людей, как пешую, так и конную.

Кит-Канан с Парнигаром и отрядом всадников оставался на холме до заката. Он был доволен, что люди расположи-

лись лагерем на месте боя. Наутро, подумал он, враги вышлют вперед многочисленную и неуклюжую разведку, но от эльфов не останется и следа.

Наконец последние из Гончих во главе с Кит-Кананом повернули своих коренастых, быстроногих лошадей на запад. Они оставляли поле боя за противником, но противник этот был немного более сбит с толку, немного более напуган, чем вчера.

Эльфийская кавалерия легко преодолевала лесные массивы рысцой, а залитые лунным светом луга – галопом. Они как раз проезжали луг, когда движение на границе леса заставило Киджо резко остановиться. Подъехали трое всадников. Кит узнал в первых двух солдат своей гвардии.

– Господин, это посланец с севера! – тяжело дыша, доложили гвардейцы, а Кит в замешательстве уставился на третьего всадника.

Эльф завалился набок, словно труп, посаженный в седло. При виде Кит-Канана в глазах его ненадолго вспыхнула надежда.

– Мы пытались удержать их, как ты приказал, господин! – торопливо сообщил эльф. – Северное крыло людей вышло на равнину, и мы ударили по нему!

Голос разведчика противоречил его виду. Он звучал напряженно и твердо, это был голос солдата, который говорил правду и отчаянно желал, чтобы ему поверили. Он покачал головой.

– Но как бы быстро мы ни двигались, они шли быстрее. Они атаковали нас, господин! Они смели сотню эльфов в лагере и загнали Каганести обратно в леса! Они наступают невероятно быстро!

– Итак, они продвигаются на юг? – спросил Кит-Канан, заранее зная ответ: он сразу же понял, что командующий северной армией – необычайно энергичный и агрессивный противник.

– Да! Я бы не поверил в такую быстроту, если бы сам не видел это. Они скачут, словно ветер, эти люди. Они взяли в окружение большую часть северных застав. Только мне удалось спастись.

Посланец встретился взглядом с Китом и заговорил со всей страстью:

– Но это еще не самое худшее, мой генерал! Сейчас они устремились к востоку от меня. Вы уже, наверное, отрезаны от Ситэлбека!

– Это невозможно! – не веря, прорычал Кит.

Крепость Ситэлбек была его штаб-квартирой и базой его армии. Она находилась далеко от центра военных действий.

– Люди не могут находиться менее чем в сотне миль отсюда!

Но, снова взглянув в глаза солдату, он вынужден был поверить в ужасную весть.

– Хорошо, – угрюмо сказал он. – Они опередили нас на один переход. Настало время для Гончих догнать их.

Той же ночью в армии Эргота

Палатка располагалась в центре огромного лагеря. Над нею возвышались три столба – в тех местах, где палатка разделялась на три комнаты. Хотя стены ее покрывали пятна, оставленные годом кампании, и в некоторых местах заметны были швы от починки, строение производило величественное впечатление, оно было более важным и гордым, чем палатки, раскинувшиеся вокруг до самого горизонта.

Лагерь представлял собой временное поселение, и ряды прямоугольных палаток возведены были беспорядочно, насколько позволяла холмистая местность, пересеченная многочисленными оврагами. Зеленые луга, источники пропитания для двадцати тысяч лошадей, отмечали границы лагеря. С наступлением сумерек серые жилища солдат стали неотличимы друг от друга, и лишь высокая палатка на трех столбах выделялась среди них.

Изнутри это сооружение тоже никак нельзя было принять за жилище простого солдата. Стены украшали дорогие шелковые драпировки – темно-коричневые, золотые, переливающиеся черные – цвета, популярные среди аристократии Эргота, – скрывавшие от глаз грубый вид лагеря, находящегося за холщовыми стенами.

В палатке перед зеркалом сидела Сюзина Квивалин. Сейчас на ее вьющихся медно-рыжих волосах не было усеянной

алмазами платиновой диадемы. Волосы собраны на затылке в хвост, ниспадавший вдоль спины более чем на фут. На ней была удобная кожаная юбка и блузка из тонкого шелка.

На самом деле и капитаны, и сержанты, и рядовые негодовали на удобства, предоставляемые женщине генерала: горячая вода для купания, роскошная палатка! Только для того, чтобы тащить ее багаж, требовалось десять драгоценных лошадей.

И все же хотя они и ворчали, но в присутствии командующего не осмеливались произносить ничего вслух. Генерал Гиарна руководил своими войсками искусно и решительно, но он был страшным человеком и не выносил, когда ему противоречили, как по поводу его тактики, так и по поводу удобств для его женщины. И солдаты обменивались мнениями тихо и скрытно.

Сейчас Сюзина сидела в просторном кресле, обложенном шелковыми подушками, но она не наслаждалась этим удобством. Напротив, примостившись на краешке сиденья, она с напряжением, угадываемым по ее позе и сосредоточенному выражению лица, рассматривала хрустальную поверхность зеркала.

Зеркало внешне ничем не отличалось от обыкновенного, но не отражало прекрасного лица своей хозяйки. Вместо этого, глядя в него, она видела длинную колонну пехотинцев. Они были безбородыми, светловолосыми, держали в руках длинные пики или тонкие серебристые мечи.

Сюзина наблюдала за армией Кит-Канана.

На мгновение она коснулась зеркала и теперь могла видеть всю извивающуюся колонну. Беззвучно шевеля губами, женщина считала количество луков, копий и лошадей. Она наблюдала, как эльфы перестраиваются и маршируют. Она заметила, с какой точностью длинные, подвижные колонны, двигаясь через равнины, сохраняют расстояние между собой.

Но затем взгляд Сюзины перенесся к голове колонны и задержался здесь. Она разглядывала того, кто возглавлял это войско, кого она знала как Кит-Канана, брата-близнеца эльфийского правителя.

Она восхищалась его посадкой в высоком седле, легкостью, грацией, с которой он, подняв руку, подзывал своих вестовых. Его темный шлем украшала пара узких остроконечных крыльев. Темная кольчуга выглядела поношенной, ее покрывал густой слой пыли, но Сюзина обратила внимание на ее качество и легкость, с которой он носил ее, подобно тому, как многие люди носят мягкие хлопковые туники.

Рот ее приоткрылся, и дыхание участилось незаметно для нее самой. Женщина не слышала, как за ее спиной полог палатки приподнялся, так она была поглощена созерцанием прекрасного эльфийского война. Внезапно на нее упала чья-то тень, и она, резко вскрикнув, оглянулась. Зеркало потускнело, и осталось лишь отражение лица его хозяйки, искаженного выражением вины, смешанной с негодованием.

– Мог бы предупредить, что ты здесь! – резко произнесла Сюзина, поднимаясь и взглянув в лицо высокому человеку.

– Я командующий армией. Генерал Эргота Гиарна не обязан объявлять о своем появлении никому, кроме самого императора, – тихо произнес вошедший, закованный в доспехи.

Его черные глаза впились в глаза женщины, затем скользнули по зеркалу. Глаза Генерала-Мальчишки пугали ее: они были отнюдь не мальчишескими, в них сверкало что-то не совсем человеческое. В темных и задумчивых глазах временами загорался внутренний огонь, который, как она чувствовала, питался чем-то недоступным ее пониманию. Однако обычно они были черными и безжизненными. Сюзина боялась этой бесстрастной пустоты еще больше, чем его гнева.

Внезапно он зарычал, и у Сюзины перехватило дыхание от страха. Она отступила бы, но туалетный столик преградил ей путь. Какое-то мгновение она была уверена, что он ударит ее. Это случилось бы не впервые. Но затем, взглянув в его глаза, она поняла, что сейчас, по крайней мере, она в безопасности.

Вместо бушующей ярости женщина увидела жажду, которая хотя и пугала ее, но не предвещала побоев. Наоборот, это была отчаянная тоска, от которой ему не суждено было избавиться. Это была одна из причин, по которой она пришла к нему, – странная жажда. Когда-то она была уверена, что сможет утолить ее.

Теперь Сюзина все поняла. Чувство, которое влекло ее к

нему, исчезло, сменившись страхом, и когда теперь она смотрела ему в глаза, то чаще всего жалела его.

Генерал проворчал что-то, устало покачав головой. Его короткие черные волосы были взъерошены и взмокли от пота. Она знала, что он снял шлем, только когда вошел в палатку, из уважения к ней.

– Госпожа Сюзина, мне нужна информация, я обеспокоен твоим долгим молчанием. Скажи мне, что ты увидела в волшебном зеркале?

– Мне жаль, господин, – ответила Сюзина, опутив взгляд и надеясь, что он не заметит румянца, выступившего у нее на щеках. Она сделала глубокий вдох, стараясь вернуть себе спокойствие, – Эльфийская армия движется быстро – быстрее, чем ты ожидал, – объяснила она жестким, твердым тоном. – Они встретят нас прежде, чем мы достигнем Ситэлбека.

Глаза генерала Гиарны сузились, но на лице его ничего не отразилось.

– Этот генерал... как его там?

– Кит-Канан, – подсказала Сюзина.

– Точно. Он кажется мне ловким – более, чем любой командир из Эргота. Я готов был поставить свой годовой оклад, что он не сможет двигаться так быстро.

– Они маршируют в спешке и развили большую скорость, даже в лесу.

– Им придется там и остаться, – прорычал генерал, – по-

тому что, когда мы встретимся, хозяином равнин стану я.

Внезапно генерал Гиарна испытующе взглянул на Сюзину.

– Что насчет двух других армий?

– Ксальтан все еще не в состоянии идти дальше. Лавовая пушка увязла в болоте в низинах, и, по-моему, он не хочет продолжать наступление до тех пор, пока карлики не вытащат ее.

Генерал насмешливо фыркнул:

– Именно этого я и ожидал от старого дурака. А Барнет?

– Центральное крыло построилось в оборонительном порядке, словно они ожидают нападения. Они не сдвинулись с места со вчерашнего дня.

– Великолепно. Враг идет ко мне, а мои так называемые союзники бьют баклуши! – Генерал Гиарна ухмыльнулся, и его черная борода раздвоилась. – Когда я выиграю эту битву, император наверняка увидит, кто его величайший полководец!

Он отвернулся и принялся мерить шагами палатку, обращаясь больше к себе, чем к Сюзине.

– Мы устремимся навстречу ему, разгромим его прежде, чем он достигнет Ситэлбека! Гномы уверяют нас, что они не вступят в войну, а в одиночку эльфы и надеяться не могут одолеть нас – их слишком мало. Победа будет за мной!

Он обернулся к ней, его темные глаза снова загорелись, и Сюзина ощутила новый страх – страх самки, дрожащей при

виде истекающих слюной челюстей волка. Генерал снова закружился на месте в возбуждении, ударив кулаком по ладони.

Сюзина украдкой взглянула на зеркало, словно боясь, что кто-то может их подслушать. Поверхность его, как обычно, отражала лишь пару, находящуюся в палатке. И в зеркале она увидела, как генерал Гиарна шагнул к ней. Женщина обернулась, чтобы взглянуть ему в лицо, и он положил руки ей на плечи.

Сюзина знала, что ему нужно, она знала, что она даст ему это – должна дать. Все произошло быстро и яростно, словно женщина служила лекарством от всех его тревог. Это ранило ее, оставило чувство чего-то нечистого и привело на грань отчаяния. Ей захотелось протянуть руку и прикрыть зеркало, разбить его вдребезги или, по крайней мере, повернуть к стене.

Но вместо этого, скрыв свои чувства – она уже научилась хорошо скрывать их. – Сюзина лежала спокойно, молча, пока Гиарна поднимался и одевался. Один раз он взглянул на нее, и она решила, что он хочет что-то сказать.

Сердце Сюзины сильно забилося. Знает ли он, о чем она думает? Женщина снова вспомнила лицо в зеркале – эльфийское лицо. Но генерал Гиарна лишь хмурился, стоя перед ней. Мгновение спустя он повернулся на каблуках и, широко шагая, вышел из палатки. Она слышала снаружи топот его боевого коня – генерал ускакал прочь.

Не в силах удержаться, Сюзина снова нерешительно повернулась к зеркалу.

Генеральное сражение

Две армии описывали круги на равнине и вступали в мелкие стычки, используя леса в качестве укрытия и преграды, устраивая неожиданные засады и кавалерийские атаки. Гибли солдаты, люди и эльфы корчились в агонии и получали увечья, но огромные армии по-прежнему не могли встретиться.

Войска Эргота под командой генерала Гиарны двигались по направлению к Ситэлбеку, а Гончие Кит-Канана стремились им наперерез, стараясь вклиниться между людьми и их целью. Люди двигались быстро, и лишь после усиленного ночного марша изможденные эльфы, наконец, смогли занять свои позиции.

Двадцать тысяч воинов Сильванести и Каганести соединились в одну армию и приготовились к обороне, напряженно ожидая неумолимо приближающиеся людские орды. Средний возраст эльфийских воинов составлял от трех до четырех сотен лет, многие капитаны прожили на свете более шестисот лет. Если им суждено пережить эту битву и эту войну, их ждут впереди еще, возможно, пять или шесть веков мирной старости.

Сильванести были вооружены искусно выкованным стальным оружием, стрелами, которые могли пронзить кольчугу, и мечами, которые выдержали бы самый страшный удар.

Многие эльфы владели кое-каким магическим искусством, из таких солдат образовали небольшие взводы в составе каждого батальона. И хотя эти эльфы тоже полагались в бою лишь на мечи и щиты, их заклинания могли на какое-то время утратить противника и отбросить его назад.

В распоряжении Гончих имелось также около пятисот необычайно быстроногих лошадей, предоставленных элитным войскам – копейщикам и лучникам, которые тревожили врага и приводили его в смятение. Воины были облачены в прекрасные доспехи, отполированные до блеска, и каждый носил на груди личный знак, вышитый шелком.

Этому войску противостояла армия людей численностью более пятидесяти тысяч человек. Возраст солдат составлял около двадцати пяти лет, самые заслуженные родились на свет каких-то четыре-пять десятков лет назад. Их грубо выкованное оружие, тем не менее, было очень прочным. Клинок мог затупиться, но очень редко ломался.

Отборную часть войск Эргота составляла кавалерия, числом двадцать тысяч. Кавалеристы не носили ни знаков различия, ни металлических доспехов. Напротив, они представляли собой зловещую массу оборванцев, у многих не хватало зубов, глаза или уха. В отличие от своих эльфийских противников, почти все носили бороды, главным образом из-за пренебрежительного отношения к бритью и вообще любому уходу за собой.

Но в сердцах их кипела жажда, отличавшая людей от дру-

гих народов. Как ни назови ее – жажда славы и приключений или просто жестокость и дикость, – именно она заставляла все другие народы Кринна бояться людей и не доверять им.

И теперь это пылающее честолюбие, подстрекаемое стальной волей генерала Гиарны, гнало людей к Ситэлбеку. В течение двух дней эльфийская армия показывалась у них на виду, лишь для того чтобы исчезнуть при первых признаках атаки. Однако на третий день они оказались на расстоянии одного перехода от самого города.

Кит-Канан достиг границы леса. Отсюда до ворот Ситэлбека не было укрытия – только поля. Здесь Гончие были вынуждены остановиться.

Причина такого далекого отступления стала ясна как эльфам, так и людям, когда Гончие заняли окончательные позиции. Рев серебряных труб понесся на восток, и на холм поднялась колонна пеших.

– Да здравствуют эльфы Сильваноста!

Пять тысяч новобранцев, посланных Ситасом пять месяцев тому назад, вовремя присоединились к лагерю Гончих, и над эльфийской армией раздались восторженные приветственные крики. Новоприбывших возглавлял Кенкатедрус, отважный ветеран, который преподавал Кит-Канану первые уроки воинского искусства.

– Ха! Вижу, мой бывший ученик по-прежнему играет в войну! – Старый солдат, на узком лице которого лежала печать напряжения от долгого перехода, приветствовал Кита

перед палаткой командующего.

– Рад, что ты приехал, – произнес Кит-Канан, помогая своему старому учителю слезть с лошади и горячо сжимая его руки. – Отсюда до города неблизкий путь.

Кенкатедрус коротко кивнул. Если бы Кит-Канан не знал старого воина, он мог бы счесть это грубостью. Кенкатедрус, как и сыновья Ситэла, принадлежал к Королевскому Дому – роду, происходившему от самого Сильваноса. На самом деле он приходился Киту дальним родственником, хотя и сам никогда не мог понять каким.

Но гораздо больше для Кит-Канана значило то, что Кенкатедрус был его наставником в воинском деле. Со строгостью, превратившейся в навязчивую идею, он тренировал своего ученика в искусном владении мечом, в быстрой многократной стрельбе из лука, пока эти навыки не стали его второй натурой.

Сейчас Кенкатедрус оглядывал Кит-Канана с ног до головы. Генерал был облачен в кольчугу из железных пластин без всяких украшений, простой стальной шлем без знаков различия.

– А где твой герб? – спросил он. – Разве ты сражаешься не во славу Сильваноса, не во славу Королевского Дома?

Кит кивнул:

– Как и всегда. Однако мои гвардейцы убедили меня, что нет смысла делать из себя мишень. И теперь я одеваюсь как простой кавалерист.

Взяв Кенкатедруса под руку, он заметил, что тот двигается с заметным напряжением.

– Моя спина уже не та, что прежде, – потягиваясь, признался почтенный капитан.

– Вскоре ей предстоит кое-какие упражнения, – предупредил его Кит. – Благодарение богам, ты прибыл вовремя!

– Армия людей? – Кенкатедрус окинул взглядом эльфов, построившихся для битвы.

Кит поведал капитану все, что знал.

– В миле отсюда, не больше. Мы столкнемся с ними там лицом к лицу. Есть возможность скрыться в крепости, но я еще не готов уступить им равнины!

– По-моему, ты выбрал хорошее поле для битвы. – Кенкатедрус кивнул на рощи вдали. Их окружали широкие зеленеющие поля, кое-где встречались купы деревьев. – Какова численность противника?

– Всего лишь третья часть армии Эргота – это хорошая новость. Два других крыла увязли в болоте более чем в сотне миль отсюда. Но эта армия наиболее опасна. Командир ее храбр и предприимчив. Я вынужден был идти всю ночь, чтобы опередить его, и сейчас, когда он готовится к наступлению, мои войска истощены!

– Ты забываешь, – почти грубо упрекнул Кита Кенкатедрус, – ты командуешь эльфами, а противостоят вам всего лишь люди.

Кит-Канан с любовью взглянул на старого воина, но в то

же время покачал головой.

– «Всего лишь люди» смели сотню моих Гончих в одной из засад. Они покрыли четыреста миль за три недели. – В голосе командующего послышалась властность. – Не следует недооценивать их.

Кенкатедрус изучающе взглянул на Кит-Канана, затем кивнул.

– Почему бы тебе не показать мне строй, – предложил он. – Думаю, ты хочешь быть готовым к рассвету.

Случилось так, что генерал Гиарна дал войскам Кита еще один день для отдыха и подготовки. Армия людей перемещалась, маршировала и растягивалась за заслоном из нескольких рощ. Кит послал дюжину Гончих-Каганести на разведку, рассчитывая на природные укрытия, которые всегда так хорошо служили им.

Назад вернулся лишь один, и только для того, чтобы сообщить, что людские караулы оказались слишком бдительны даже для искусных эльфов, и те не смогли миновать посты незамеченными.

Тем не менее, эльфийские войска воспользовались однодневной передышкой. Эльфы соорудили траншеи, выходящие далеко за линию фронта, а в других местах установили в земле длинные, острые колья, образовавшие нечто вроде ошетилившейся стены. Эти колья должны были защитить большую часть фронта от вражеской кавалерии – Кит знал, что она насчитывает тысячи.

Парнигар следил за сооружением окопов, разъезжая взад-вперед, крича и бранясь. Он критиковал то глубину, то ширину траншей и ругал эльфов, выполнявших работу. Гончие работали старательно, не за страх, а за совесть. Они соорудили окопы вдоль всей линии фронта, доказав, что умеют обращаться с киркой и лопатой не хуже, чем с мечом и копьем.

День медленно сменялся сумерками. Кит беспokoйно ездил туда-сюда вдоль линии фронта. В конце концов, он пробрался к резервным частям из Сильваноста, отдохавшим от долгого пути под неусыпным наблюдением Кенкатедруса. Генерал спрыгнул со спины Киджо, и капитан шагнул к нему.

– Странно, что они работают под его командой, – заметил старый эльф, указывая на Парнигара. – Мои эльфы и не взглянули бы на офицера, который так разговаривает со своими подчиненными!

Кит-Канан удивленно посмотрел на него и понял, что он говорит искренне.

– Гончие здесь, на равнинах, отличаются от военных у тебя в городе, – объяснил он.

Он окинул взглядом резервные войска – пять тысяч эльфов, пришедших с Кенкатедрусом. Даже будучи на отдыхе, они лежали на залитых солнцем зеленеющих лугах ровными рядами. Формирования Гончих, подумал Кит, собрались бы в тени.

Учитель кивнул с прежним скептицизмом и взглянул за линию фронта, в сторону деревьев, скрывающих неприятеля.

тельскую армию.

– Тебе известно, как они разворачиваются? – спросил Кенкатедрус.

– Нет, – признался Кит. – Мы целый день в изоляции. Я бы отступил, если бы мог. Они потратили слишком много времени на подготовку к атаке, и я бы охотно сделал так, чтобы оно было потрачено впустую. Приходит в голову твой старый урок: «Не позволяй врагу наслаждаться такой роскошью, как реализация его планов!»

Кенкатедрус кивнул, а Кит, чуть не взыв от раздражения, продолжал:

– Но я не могу отступить. Эти деревья – последнее препятствие на пути к Ситэлбеку. Если я оставлю свои позиции, то там не найдется и канавы, чтобы укрыться!

Все, что он мог сделать, – это расположить на своих флангах отряды застрельщиков и надеяться, что они предупредят его о внезапном нападении врагов.

Ночь в лагере прошла беспокойно, несмотря на то, что солдаты смертельно устали. Немногие из них спали больше нескольких часов, и лагерные костры горели далеко за полночь – эльфы собирались у огня поговорить о минувших веках, о своих семьях – о чем угодно, только не об ужасной судьбе, которая, скорее всего, ожидала их наутро.

Наступил самый темный ночной час, на землю выпала роса и превратилась в густой туман, плотным покровом опустившийся на луга и извивавшийся вокруг древесных ство-

лов. За ним пришел пронизывающий холод, разбудивший всех эльфов, и они, бодрствуя, дожидались утра.

В предрассветный час они слышали барабанный бой – отдаленный рокот, который с устрашающей четкостью раздался одновременно из тысяч мест. Пряди тумана после сырой ночи плыли, словно призраки, среди измученных эльфов, еще больше затрудняя видимость.

Постепенно туман из серого стал бледно-голубым. И когда небо над головой просветлело, земля вокруг эльфов задрожала от мерного шага приближающейся гигантской армии. Гончие схватились за копыта, принялись успокаивать брыкающихся лошадей, проверять тетивы, колчаны и застежки своих доспехов. Постепенно голубая мгла сменилась неверным рассветом, вокруг стали видны смутные, неясные тени, по-прежнему скрытые за пеленой тумана.

Грохот барабанов усилился. Облака тумана плыли над полями, и даже ближайšie рощи казались лишь серыми тенями. Мерный стук становился все громче, но приближающихся войск по-прежнему не было видно.

– Вон они – среди сосен!

– Я их вижу – там, на дороге!

– Они идут – из оврага!

Эльфы кричали, указывая во все стороны за линию фронта, – там туманные призраки начинали обретать форму. Теперь они могли различить огромные, колеблющиеся, движущиеся линии, словно по земле катились волны. Видны были

высокие фигуры всадников – несколько колонн кавалерии скакали среди рядов пехоты.

Барабанный бой стих так же внезапно, как и начался. Отряды эрготианской армии выделялись темными пятнами на фоне зеленой травы и серого небосвода. На мгновение время над полем боя, над всеми равнинами во всем Ансалоне остановилось. Воины обеих армий взирали друг на друга через разделявшее их пространство в четверть мили. Даже ветер стих, и туман опустился на землю.

Затем кто-то из людей издал крик, подхваченный пятьюдесятью тысячами глоток. Мечи зазвенели о щиты, запели рога, лошади заржали от возбуждения и страха.

В следующее мгновение людская волна хлынула вперед, перед ней неся ужасающий рев идущей в атаку армии.

Теперь и эльфийские трубы издали металлические ноты. Застучали копыта – это солдаты удобнее хватались за свое оружие. Пятьсот лошадей кавалерии Гончих нервно заржали и забили копытами.

Кит-Канан придержал Киджо. С его позиции в центре линии фронта была хорошо видна армия людей, приближавшаяся, словно волна прилива. Его телохранители – сегодня их было двенадцать – полукругом располагались позади него. Он настоял на том, чтобы они не загораживали ему вид поля боя.

На какой-то миг перед ним предстало жуткое видение – крах эльфийской обороны, орда людей, наводняющая леса и

поля, подобно рою насекомых. Сердце его сжалось от страха, он задрожал, но затем водоворот событий захватил его и приковал внимание.

Первую ударную волну атаки составляли две тысячи воинов, вооруженных мечами, с безумным воем размахивающих щитами. Одетые в толстые кожаные куртки, они неслись впереди своих закованных в железо собратьев по направлению к группе эльфийских копейщиков, твердо стоявших в центре линии Кита.

Столкновение воинов Эргота с эльфийскими копьями представляло собой кошмарное зрелище. Стальные острия с легкостью пронзали кожаную одежду, и люди дюжинами накалывались на них – с такой силой они бросались в атаку. В рядах Гончих раздались торжествующие крики: люди развернулись и обратились в бегство, оставив около четверти своих товарищей корчиться и стонать на земле, у самых ног их врагов-эльфов.

Теперь центр боевых действий сместился влево – эрготианские лучники наступали на незащищенную часть фронта Гончих. Воины Кита отстреливались, осыпая теснивших их людей смертоносным дождем. Но стрелы врагов тоже скосили многих эльфов в плотно сомкнутых рядах, и вскоре потоки эльфийской крови окрасили растоптанную траву.

Кит повернул Киджо в сторону лучников, наблюдая, как тучи стрел взмывают в воздух и устремляются к цели. Люди наступали, но эльфы не трогались с места. Эльфийский ко-

мандующий подгонял коня, предчувствуя неминуемый разгром.

И тут людской натиск ослаб. Кит заметил рядом с лучниками Парнигара.

– Огонь! – крикнул старший сержант, обращаясь к взводу эльфов, стоявшему рядом. Эти несколько дюжин солдат носили на поясе мечи, но сейчас в руках у них не было оружия. Они подняли вверх ладони, вытянув пальцы в сторону беснующихся людей.

Вспышка яркого света заставила Кита заморгать. Магические снаряды, возникшие по велению волшебников, с треском взвились над взводом Парнигара. Целый строй людей упал на землю – они погибли так внезапно, что следующие за ними тоже попадали на землю, спотыкаясь о тела. Опять сверкнул свет, и новый залп магического огня накрыл солдат Эргота.

Некоторые из раненых громко кричали, вызывая к своим богам или к матерям. Другие отступили в страхе перед волшебным оружием. Весь батальон, двигавшийся за уничтоженным отрядом, остановился и обратился в бегство. И тут же группа людей-лучников устремилась прочь, преследуемая дождем острых эльфийских стрел.

Но хотя эта атака захлебнулась, Кит чувствовал, что на левом фланге назревает кризис. Отряд эрготианской кавалерии, три тысячи храпящих лошадей с всадниками в доспехах, вооруженными копьями, обрушился на эльфов из быст-

ро редееющего тумана. Всадники напали так яростно, что предыдущие атаки показались Киту игрушечными выступлениями на параде.

Кавалерии преграждал путь строй эльфов, вооруженных мечами и щитами, – легкая жертва для несущихся с громовым топотом всадников. Справа и слева щетинились заточенные колья, защищавшие от кавалерийской атаки. Но промежуток между заграждениями, где стояли эльфийские солдаты и ждали своей участи, необходимо было укрепить.

– Лучники, прикрывайте их! – крикнул Кит, проносясь верхом на Киджо среди солдат. Отряды эльфийских лучников развернулись, разрядив свое оружие и свалив дюжины всадников. Но атакующие продолжали наступать с тяжелым топотом.

– Назад! Укрывайтесь среди деревьев! – приказал он командирам отрядов лучников – другого выхода не оставалось.

Кит в отчаянии проклинал себя, осознав, что эрготианский командующий вынудил его послать своих копейщиков отражать первую атаку. А сейчас, когда началось кавалерийское наступление, отряды, вооруженные пиками – единственным надежным оружием против верховых, – находились слишком далеко.

Но тут он замер в изумлении. Лучники стреляли все ожесточеннее, и внезапно всадники развернулись, покинув линию эльфийской обороны, прежде чем те успели подчиниться приказу Кита об отступлении. Озадаченные эльфийские

воины наблюдали, как отступают всадники, преследуемые беспорядочным градом стрел. Обороняющимся оставалось лишь поражаться неожиданному повороту событий.

Кита терзало смутное беспокойство. Это наверняка хитрость, сказал он себе. Их стрелы не такие мощные и смертоносные, чтобы остановить эту наводящую ужас атаку. На поле перед ним осталось менее пятидесяти всадников и не более двух дюжин лошадей. Его разведчики снабдили его точными данными о численности эрготианской кавалерии, и он подозревал, что видел сейчас лишь ее половину.

– Наши солдаты отступили, как ты и приказал, – доложила Сюзина; взгляд ее был прикован к картинам жестокости, мелькавшим в зеркале. Зеркало стояло на столе, она сидела перед ним; и все это – стол, женщина и зеркало – находилось в небольшой холщовой палатке, укрывавшей магическую поверхность от дневного света. Она не теряла из виду эльфийского командира, державшегося в седле прямо и гордо, – в нем до кончиков ногтей чувствовался потомок Королевского Дома.

За нею, меряя комнату напряженными шагами, расхаживал генерал Гиарна, заглядывая ей через плечо.

– Превосходно! А эльфы – что ты видишь?

– Они стоят на месте, господин.

– Что? – яростно зарычал на нее генерал, и голос его заполнил небольшое помещение, откуда они наблюдали за сражением. – Ты ошиблась! Они должны атаковать!

Сюзина вздрогнула. Изображение в зеркале – длинные ряды эльфийских воинов, оставшихся на позициях и не поддавшихся на уловку отступления людей, – слегка заколебалась.

Она почувствовала взрыв гнева генерала, а затем изображение потускнело. Сюзина увидела лишь собственное отражение и страшное лицо человека у себя за спиной.

– Господин! Позволь нам ударить по ним сейчас, пока они в беспорядке отступают!

Кит обернулся, увидев рядом Кенкатедруса, усталость после марша из Сильваноста совершенно исчезла с лица его старого учителя. Напротив, глаза воина горели, и рука в латной перчатке крепко сжимала рукоять меча.

– Это наверняка военная хитрость, – возразил Кит. – Мы сами не смогли бы так легко отогнать их!

– Во имя богов, Кит-Канан, – это же люди! Трусливые ничтожества, спасающиеся бегством от громкого шума! Давай погонимся за ними и разгромим их!

– Нет! – В голосе Кита послышались командные нотки, и лицо Кенкатедруса побледнело от разочарования.

– Против нас не простой генерал, – продолжал Кит-Канан, чувствуя, что должен дать объяснения тому, кто впервые препоясал его мечом. – Он не перестает удивлять меня, и я знаю, что мы видели пока лишь часть его войск.

– Но если мы позволим им сбежать, они спасутся! Мы должны преследовать их! – не мог удержаться Кенкатедрус.

– Мой ответ – нет. Если они бегут, пусть бегут. Если они пытаются заставить нас покинуть наши позиции, чтобы поймать в ловушку, это им не удастся.

Над полем перед ними разнесся очередной вопль, и показались еще люди, несущиеся навстречу эльфам. Огромные полки лучников готовились к бою, бородатые воины размахивали над головой тяжелыми топорами. Копьеносцы, ощерившись блестящими остроконечными копьями, надвигались на противника, другие стучали мечами о щиты, наступая ровным шагом.

Кенкатедрус, пораженный очередной демонстрацией людской силы и хитроумия, с уважением взглянул на генерала.

– Ты знал? – удивленно спросил он.

Кит-Канан пожал плечами и покачал головой.

– Нет, я лишь предполагал. Возможно, потому, что у меня был хороший учитель.

Старший эльф заворчал, оценив замечание, но недовольный собой. И в самом деле, оба поняли, что, начни эльфы наступление, как предлагал Кенкатедрус, они были бы мгновенно сметены, беззащитные на открытом пространстве.

Кенкатедрус присоединился к резервному отряду, а Кит-Канан ринулся в бой. Тысячи эльфов и людей сталкивались на линии фронта, и сотни из них гибли. Мечи вдребезги разбивались о щиты, кости ломались под ударами клинков. Долгое утро уступило место дню, но время ничего не значило для отчаянно сражавшихся воинов – каждый миг мог стать

для них последним.

Волна атакующих то приближалась, то отступала. Отряды людей разворачивались и ударялись в бегство, многие еще до того, как первые ряды их войск достигали линии эльфов. Другие мечом прорубали себе путь среди защитников, и подчас отряды эльфов бежали от врага. Тогда люди проникали в дыру, подобно приливной волне, но Кит-Канан всегда оказывался на месте, размахивая окровавленным мечом, приказывая эльфийским копейщикам защищать брешь.

Волна за волной наступали обезумевшие люди по затоптанному полю, бросаясь на эльфов, словно желая смести их силой своего натиска. Как только ослабевал один из отрядов, отступал один из полков, истощенный и деморализованный, на его место спешила новая группа людей, вооруженных острой сталью.

Гончие продолжали сражаться. Небольшие отряды объединялись, образуя стойкую линию обороны, передвигались с места на место, чтобы отразить новую атаку, и спешили заполнить бреши там, где товарищей их убивали или оттесняли. Кавалерия поддерживала их и всякий раз, когда оборона начинала ослабевать, вихрем неслась в прорыв, в беспорядке отбрасывая нападающих.

Этим пятистам всадникам удавалось удерживать все бреши. К тому времени, как полуденные тени начали удлиняться, Кит заметил, что атака людей ослабевает. Один из отрядов пехоты, спотыкаясь, отступил, и в первый раз не нашлось

свежего формирования, чтобы занять его место в строю. Казалось, гул боя немного утих, а затем Кит увидел, как другой отряд людей, с топорами, разворачивается и покидает поле сражения. Все больше людей отступали из рядов нападающих, и вскоре могучие полки Эргота потоком устремились через поле обратно к своим позициям.

Кит устало пошатывался в седле, подозрительно всматриваясь в спины бегущих солдат. Неужели все кончено? Неужели Гончие победили? Он взглянул на солнце – до заката оставалось еще добрых четыре часа. Он знал, что ночью люди атаковать не рискнут. Способность эльфов хорошо видеть в темноте была одним из самых убедительных доказательств превосходства старшего народа над его противниками. И все же не позднее время было причиной отступления людей, ведь именно сейчас они начали особенно сильно теснить эльфов по всему фронту.

Подошел утомленный Парнигар. Кит видел, как лошадь разведчика зарубили под ним в разгар боя. Генерал узнал своего долговязого сержанта, хотя лицо и одежда Парнигара были покрыты грязью и кровью убитых врагов.

– Мы их сдержали, господин, – доложил он, и лицо осветила недоверчивая улыбка. Однако он тут же нахмурился и покачал головой. – Однако погибли триста или четыреста солдат. Этот день нам кое-чего стоил.

Кит оглядел изможденные, но стойкие ряды Гончих. Копейщики высоко держали оружие, лучники были готовы

стрелять, пехотинцы точили клинки, пользуясь короткой передышкой. Формирования были построены по-прежнему, но теперь строй их поредел. Позади каждого отряда лежали ровные ряды безжизненных тел, укрытых одеялами.

«По крайней мере, мертвые могут отдохнуть», – подумал Кит, ощущая усталость. Снова он взглянул на людей – они по-прежнему беспорядочно бежали. Многие достигли линии деревьев и исчезали под сенью листвы.

– Господин! Господин! Время настало. Ты должен понимать это!

Кит обернулся – к нему галопом неся Кенкатедрус. Эльфийский ветеран придержал коня около генерала и жестом указал на бегущих врагов.

– Возможно, ты и прав, – вынужден был согласиться Кит-Канан. Он увидел, что пять тысяч эльфов из Сильваноста собрались в стройные ряды, готовые броситься в атаку по первому его слову. Это был шанс нанести смертельный удар, который заставит врага откатиться назад до самого Каэргота.

– Быстрее, господин, – они скрываются! – Кенкатедрус, нетерпеливо нахмурив брови, указал на оборванных людей, сбившихся в кучу, словно овцы, и бегущих в укрытие – отдаленный лес.

– Отлично – в атаку, преследуйте их! Но стерегите свои фланги!

– Теперь они должны последовать за нами!

Конь генерала Гиарны кружился на месте среди рядов от-

ступающих, многие из которых хропали и были покрыты кровоточащими ранами – их поддерживали более крепкие товарищи. И в самом деле, армия Эргота заплатила ужасную цену за атаку, длившуюся целый день, – и это была лишь подготовка к настоящей битве, запланированной генералом.

Генерал не обращал внимания на людские страдания. Напротив, со зловещим выражением он вглядывался в эльфийские позиции на противоположной стороне покрытого грязью поля. Пока никакого движения – но они должны пойти в наступление. Он был уверен в этом, и уверенность наполняла его черное сердце жадной крови.

Гиарна бросил короткий, острый взгляд назад, в сторону маленькой палатки, где скрывалась Сюзина со своим зеркалом. Да проклянут боги эту шлюху! Как в разгар боя могла ее сила оставить ее? Почему сейчас – сегодня?

Генерал с подозрением нахмурился, но у него не было времени размышлять о ненадежности своей любовницы. Сюзина являлась ценным орудием, и будет жаль, если она больше не сможет служить ему.

Возможно, как она и заявила, напряжение страшной битвы оказалось для нее слишком сильным, чтобы она смогла сконцентрироваться. А может быть, присутствие генерала, нависшего над ней, напугало женщину. Генерал Гиарна хотел застрашать ее, как и любого, кто находился под его командованием. И все же, если так легко можно лишить ее сил, то полезность Сюзины не так уж велика.

Не важно – по крайней мере, сейчас. Битву еще можно выиграть с помощью оружия. Главное – заставить эльфов поверить, что люди разгромлены.

Пульс генерала Гиарны участился – он заметил движущийся через поле строй.

– Эльфы Сильваноста, в атаку!

Капитан уже отвернулся от командующего. Резервные отряды двинулись вперед ускоренным маршем, пробираясь через бреши в рядах кольев оборонительной линии. Отряды Гончих, усталые и потрепанные, освобождали путь атакующим, чьи сверкающие лики и блестящее оружие составляли резкий контраст с грязными, окровавленными толпами вокруг. И, тем не менее, Гончие приветственно закричали, когда Кенкатедрус повел свои войска в наступление.

– В атаку!

Лошадь его нетерпеливо гарцевала, Кенкатедрус размахивал мечом и подгонял своих солдат вперед. Но войскам не нужны были уговоры. Весь день они смотрели, как их соотечественники гибнут от рук алчных дикарей, а теперь у них появился шанс отомстить.

Люди в панике бросали оружие, щиты, шлемы и в отчаянии ударялись в бегство. Они разбегались в разные стороны под натиском эльфов, удирая в рощи или заросли кустарника в поисках любого укрытия.

Воины Сильваноста преследовали врага, двигаясь плотным строем. Редкие воины, вооруженные мечами, вырыва-

лись из организованных рядов, чтобы добить людей, спрятавшихся среди деревьев.

Но даже сейчас было ясно, что основная масса солдат сбегит – так быстро они отступали. Эльфы не могли угнаться за ними. Наконец Кенкатедрус приказал своему отряду перейти на быстрый шаг, давая эльфам возможность отдышаться, – они приближались к первому большому участку леса.

– Лучники, на фланги! – Кит-Канан не знал, почему он отдал такой приказ, но внезапно понял, как уязвимы окажутся пять тысяч эльфов в том случае, если это уловка. Кенкатедрус и его полк уже ушли примерно на полмили вперед от основной массы армии.

Два отряда эльфов, каждый около тысячи, – самые меткие стрелки – поспешили вперед.

– Копья – в центр!

Кит-Канан послал вперед еще один отряд, состоявший из самых опытных воинов, вооруженных смертоносными пиками длиной пятнадцать футов с острыми, как бритва, стальными наконечниками.

– Кавалерия! Ко мне!

Третья команда заставила гордых эльфийских всадников броситься к своему командиру. Кит-Канану казалось теперь, что Кенкатедрус и его отряд находятся в смертельной опасности. Он должен догнать его и оказать поддержку.

Сопровождаемый своими телохранителями, командующий, огибая строй, повел кавалерию вперед к правому флан-

гу отряда Кенкатедруса. Эльфийские стрелки приготовили оружие. Позади них звенели пики. Все ли он сделал, что было в его силах, чтобы обеспечить наступление?

Кит чувствовал какую-то опасность – словно вечерний воздух зловеще сгущался вокруг него. Он внимательно прислушался, взгляделся в линию деревьев впереди, пристально изучил местность справа и слева, насколько мог видеть.

Ничего.

Но все же кое-кто из его эльфов почувствовал то же – неопределенное предвестие чего-то ужасного, жуткого и неотвратимого. Воины нервно сжимали оружие. Лошади Гончих беспокойно всхрапывали на скаку.

Затем в воздухе разнесся глухой рокот, подобный грому. Вначале он напоминал отдаленный бой барабанов, но в сознании Кит-Канана он мгновенно превратился в звук оглушительного взрыва.

– Сигнал к отступлению! – закричал он трубачам, бросая взгляд налево, затем направо. Где, во имя богов?

Он увидел, что они приближаются, подобно волне, бегущей по бурой траве, до самого горизонта, с обеих сторон – неисчислимые легионы людей верхом на грохочущих лошадях, они с тяжелым топотом неслись по открытой равнине, приближаясь стремительно, словно ветер.

Резко затрубили горны, и Кит увидел, что Кенкатедрус уже разгадал ловушку. Эльфы Сильваноста бегом возвращались к позициям Гончих. Но было ясно, что им уже не успеть.

Лучники и копейщики отчаянно выступили вперед, готовясь защищать своих товарищей. Они осыпали кавалерию людей дождем стрел, длинные пики, словно лес, выросли перед стрелками, преграждая путь нападающим.

Но у эльфов Сильваноста такой защиты не было. Кавалерия Эргота с грохотом врезалась в их позиции, и отряд за отрядом эльфийская пехота падала под натиском жестоких копыт и острой, бесчувственной стали.

Копейщики и лучники медленно отходили назад, продолжая обстреливать врага смертоносными стрелами, каждый из их залпов сотнями косил всадников. Но тысячи за тысячами наступали люди, топчя траву, уничтожая отставшие полки.

Кит-Канан повел своих всадников к флангу наступающих, не думая о том, что на каждого из его эльфов приходилось по десять-двадцать человек. Мечом он вышиб из седла ухмыляющегося бородатого человека. Вокруг ржали и вставали на дыбы лошади, и через несколько мгновений два отряда кавалерии смешались, каждый солдат сражался с врагом, попадавшимся ему под руку.

Новая кровь полилась на землю, уже насыщенную алой влагой. Кит увидел, что вражеский воин направил окровавленное копьё прямо ему в сердце. Один из его преданных телохранителей бросился вперед, спрыгнув с седла, и острие вонзилось ему в горло – он принял на себя удар, который оказался бы смертельным для командира. Охваченный по-

рывом ненависти, Кит пришпорил Киджо и ринулся вперед, яростно снося врагу голову с плеч. Фонтаном брызнула кровь, словно какой-то отвратительный гейзер, тело повалилось с седла и, еще не достигнув земли, исчезло в хаосе рукопашной.

Кит видел, как пал второй верный телохранитель, его сразил мечом всадник, проворно ускользавший прочь. Вокруг кипел безумный бой, лилась кровь, ржали лошади, умирали люди и эльфы. Если бы у Кит-Канана было время задуматься, он пожалел бы, что заставил свою кавалерию покинуть позиции и спешить на помощь Кенкатедрусу. Сейчас уже казалось, что обоим отрядам суждена гибель.

Кит-Канан в отчаянии оглядывался, ища эльфов Сильваноста. Он увидел их сквозь толпу сражавшихся. Под предводительством мрачного Кенкатедруса эльфийский резервный отряд бился, стараясь вырваться из смертельной западни. Наконец они нарушили свой ровный строй и бросились вперед сквозь море людской кавалерии к позициям Гончих, где их ждало спасение.

Хоть это казалось невозможным, многие из них достигли своих. Они пробирались через плотную стену кольев, падая на руки товарищей, а обратившая их в бегство кавалерия, словно море, бушевала снаружи. Дюжинами, сотнями они, хромя, спотыкаясь и уклоняясь от ударов, пробирались к товарищам; наконец число их достигло двух тысяч, включая Кенкатедруса. Капитан хотел было вернуться и ринуться в

бой, в заранее обреченной на неудачу попытке спасти остальных солдат, но его удержали два старших сержанта.

Лучники тоже отступили, и на поле боя, в ловушке, остались лишь всадники. Отдельные отряды, эльфийской кавалерии прорывались через море людей, стремясь найти укрытие на своих позициях. Однако сам Кит-Канан, который вел их в атаку, оказался теперь окружен со всех сторон врагами.

Рука его сделалась словно свинцовой от усталости. Кровь из раны на лбу заливала глаза. Шлем упал – его сшиб удар щита какого-то человека. Его верные гвардейцы – те, кто еще оставался в живых, – сражались плечом к плечу с ним, но было ясно, что для них все уже кончено.

Люди отступили на некоторое расстояние, чтобы избежать разящих эльфийских клинков. Кит-Канан и группа эльфийских всадников числом около двух дюжин, задыхаясь, ловили ртом воздух – их сжимало смертельное кольцо, более тысячи вражеских копейщиков, пехотинцев и лучников.

С возгласом отчаяния он швырнул свой меч на землю. Оставшиеся в живых эльфы немедленно последовали его примеру.

Когда на равнины, наконец, опустилась тьма, люди прекратили атаковать позиции эльфов. Кенкатедрус и Парнигар знали, что лишь наступление ночи предотвратило полный разгром. Они понимали также, что истощенная армия должна отходить – сейчас же, еще до того, как полностью стемнело.

Им необходимо скрыться за стенами Ситэлбека рано утром, прежде чем смертоносная людская кавалерия обрушится на них. Всех Гончих может постичь судьба эльфов Сильваноста.

Эльфийским командирам казалось, что более страшной катастрофы произойти не могло. Гнетущее отчаяние охватило их, словно туча, когда они узнали самое худшее: Кит-Канан, их главнокомандующий и вдохновитель Гончих, исчез – возможно, попал в плен, но вероятнее всего, был убит.

Воины шли, повесив головы и волоча ноги, направляясь к стенам Ситэлбека – своему убежищу и своей тюрьме.

Вскоре после полуночи начался дождь, он лил всю ночь и продолжал лить после наступления серого, хмурого рассвета. Несчастливая армия, наконец, достигла Ситэлбека, и в мрачный, дождливый день, около полудня, ворота его захлопнулись за последним из Гончих.

После битвы

Сюзину разбудил лейтенант арбалетчиков в бронзовом шлеме с приказом генерала явиться к нему. Женщина почувствовала смутное облегчение оттого, что генерал Гиарна не пришел к ней лично. На самом деле она не видела его с того момента, как битва достигла решающего момента и большая часть эльфийской армии попала в его ловушку.

Ей стало легче с прошлой ночи, когда она боялась, что он придет к ней. Генерал Гиарна часто приводил ее в ужас, но в нем всегда появлялось что-то еще более страшное после того, как он побывал в бою.

Тьма, которая, казалось, всегда жила в его глазах, становилась в такие моменты подобна бездонной пропасти, полной отчаяния и безнадежности, словно его жажда убийства никогда не могла быть утолена. Чем больше крови лилось вокруг него, тем сильнее разгоралась эта жажда.

Тогда Гиарна приходил к ней, словно какой-то паразит, безразличный к ее чувствам, не подозревающий об их существовании. Он причинял Сюзине боль, а когда все было кончено, грубо отшвыривал ее прочь – его собственная жажда бушевала по-прежнему.

Но после этой битвы, самой великой победы в его жизни, Гиарна держался в стороне от женщины. Прошлым вечером она рано удалилась на покой, умирая от желания взглянуть

в зеркало, узнать, что с Кит-Кананом. Она ужасно боялась за него, но не осмеливалась воспользоваться своим волшебством из-за страха перед генералом. Гиарна не должен знать о ее растущем увлечении Кит-Кананом.

Сюзина торопливо оделась и прихватила свое зеркало, надежно спрятанное в обитой войлоком деревянной шкатулке, затем пошла вслед за офицером вдоль рядов палаток к жилищу генерала Гиарны, сооружению из черного шелка. Лейтенант отогнул полог, пропуская ее, и она вошла, моргая после темноты.

А затем ей показалось, что мир взорвался.

В палатке находилась группа грязных эльфов-пленных, многие были покрыты ранами, они стояли, беспокойно наблюдая за происходящим. Их было около дюжины, каждого стерег бдительный воин с мечом; но взор Сюзины сразу же устремился к Нему.

Она узнала Кит-Канана с первого взгляда, и ей стоило огромных усилий сдержаться и не подбежать к нему. Сюзина жаждала смотреть на него, касаться его – этого зеркало не могло ей позволить. Она подавила желание отшвырнуть прочь часового с мечом.

Затем женщина вспомнила о генерале Гиарне. Лицо ее вспыхнуло, на лбу выступила испарина. Генерал внимательно наблюдал за ней. Усилием воли приняв холодное, отстраненное выражение, она обернулась к нему:

– Ты приказал мне явиться, генерал?

Казалось, взгляд командующего пронизывает Сюзину насквозь, и от этого взгляда ей стало так страшно, что сердце ее сжалось. Глаза его зияли, словно две черные бездны, угрожающие пропасти, и ей захотелось немедленно отступить прочь от края.

– Допрос продолжается. Я хочу, чтобы ты наблюдала, как они отвечают, и проверяла, правду ли они говорят. – Голос его был подобен порыву ледяного ветра.

Сюзина заметила тело еще одного эльфа. Он вытянулся лицом вниз на ковре, устилавшем палатку, и по крошечной ранке у него на затылке можно было определить, куда его ударили кинжалом.

Оцепенев, Сюзина подняла взгляд. Кит-Канан был вторым с края цепочки, он стоял около того места, где совершилось убийство. Он не обращал на нее внимания. Эльф, находившийся между ним и убитым, с угрюмым выражением, за которым скрывался страх, смотрел на эрготианского генерала.

– Ваши силы! – требовательно спросил Гиарна. – Сколько солдат охраняет крепость? Есть катапульты? Баллисты? Ты расскажешь нам обо всем.

Последние слова были приказом, а не вопросом.

– Гарнизон крепости – двадцать тысяч воинов, и еще больше находится в пути! – выпалил пленник, стоявший рядом с телом. – Есть еще волшебники и жрецы...

Сюзине не нужно было зеркало, чтобы понять, что он

лжет; по-видимому, генералу Гиарне тоже. Он хлопнул в ладони, и охранник, стоявший позади приговоренного пленника, ударил его мечом. Клинок пронзил шею эльфа, и из-под подбородка несчастного с бульканьем хлынул фонтан крови.

Следующий охранник, стоявший за Кит-Кананом, подтолкнул своего пленника в спину, заставив того выпрямиться; взгляд генерала устремился к нему. Но лишь на мгновение – затем командующий презрительно осмотрел весь ряд пленников.

– Кто из вас занимает какую-либо должность? – спросил генерал, изучая ряд оставшихся в живых эльфов.

И тут Сюзина впервые осознала, что на Кит-Канане нет никаких знаков отличия. Он был одним из безымянных эльфийских кавалеристов. Гиарна не узнал его! Это открытие придало ей смелости пойти на риск.

– Мой генерал, – быстро произнесла она, слыша свой голос словно со стороны. – Могу ли я поговорить с тобой – так, чтобы не слышали пленные?

Гиарна взглянул на нее, сверля глазами. Что в них было – раздражение или что-то более мрачное?

– Хорошо, – резко ответил он и, взяв ее за локоть, вывел из палатки.

Сюзина ощупала шкатулку с зеркалом, на ходу подыскивая слова.

– Они явно готовы умереть за свое дело. Но возможно, при небольшом терпении я смогу сделать их полезными для

нас... живыми.

– Ты можешь сказать мне, говорят они правду или нет, но что толку, если они собираются умирать с ложью на устах?

– Но у меня есть еще зеркало, – настойчиво сказала она. – Если у меня будет спокойное место и немного времени – времени получше изучить одного из пленных, – я могу попробовать применить нечто большее, чем простой допрос. Я смогу заглянуть в их мысли, узнать тайны, которые они никогда не откроют тебе.

Генерал нахмурился, и его черные брови сомкнулись.

– Отлично. Я позволю тебе попробовать. – Он отвел ее обратно в палатку. – С кого ты начнешь?

Стараясь успокоить биение сердца, Сюзина повелительным жестом указала на Кит-Канана и сухо приказала охранявшему его солдату:

– Привести его в мою палатку.

Она избегала смотреть на генерала, боясь, что эти черные глаза парализуют ее, подозревая или обвиняя. Но он ничего не сказал. Он лишь кивнул стражнику, стоявшему за Китом, и воину рядом с ним, тому, который только что убил эльфа. Двое охранников вытолкнули Кит-Канана вперед, и следом за Сюзиной они покинули шелковую палатку генерала.

Они очутились между двумя палатками, высокими сооружениями из холста, загораживавшими их от остального лагеря. Она шла, затылком чувствуя его взгляд, и наконец, больше не могла сопротивляться желанию обернуться и взгля-

нуть на него.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил он, удивив ее полным отсутствием страха в голосе.

– Я не причиню тебе зла, – ответила Сюзина, почувствовав внезапный гнев при виде его ответной усмешки.

– Пошел, ты! – пробурчал один из солдат, выступая вперед и взмахнув мечом перед носом Кит-Канана.

Кит-Канан протянул руку проворно, словно атакующая змея, схватил стражника за запястье, и клинок отклонился от его лица. Держа человека за руку, эльф резко ударил его в пах. Воин, задыхаясь, осел на землю.

Его товарищ, воин, убивший эльфа в палатке, на мгновение открыл рот в замешательстве – и это мгновение оказалось для него последним. Кит вырвал меч из руки упавшего воина и тем же движением пронзил глотку врага. Тот рухнул на землю, беззвучно шевеля губами в попытке кричать.

При падении шлем скатился с головы воина, и длинные светлые волосы рассыпались по плечам.

Кит опустил меч, готовый проткнуть шею стонущего солдата, которого он ударил. Затем что-то его удержало, и он лишь заставил стражника замолчать, убедительно ткнув острием его горло.

Обернувшись к убитому, Кит с любопытством осмотрел тело. Сюзина не шевелилась. Она наблюдала за ним с восхищением, едва осмеливаясь дышать, глядя, как он носком сапога откинул прочь светлые волосы.

Ухо мертвеца было длинным и заостренным.

– В вашей армии много эльфов? – спросил он.

– Нет, немного, – быстро произнесла Сюзина. – Большинство из них – торговцы и фермеры, которые жили в Эрготе, они хотят поселиться на равнинах.

Кит внимательно взглянул на Сюзину. Было что-то такое в этой женщине из Эргота...

Она стояла, скованная не столько страхом, сколько волнением. Он сейчас сбежит, покинет ее!

– Благодарю тебя за то, что ты невольно спасла мне жизнь, – сказал он, прежде чем устремиться за угол ближайшей палатки.

– Я... Я знаю, кто ты! – произнесла она едва слышным шепотом.

Кит-Канан снова остановился, разрываясь между необходимостью бежать и возраставшим интересом к этой женщине и тому, что ей известно.

– Тогда спасибо, что не выдала меня, – сказал он с коротким поклоном. – Почему ты?...

Сюзина хотела рассказать ему, что внимательно наблюдала за ним долгое время с помощью зеркала. Теперь она смотрела на него самого, и он оказался прекрасным, гордым, стройным – она и не представляла его таким. Она хотела попросить его забрать ее с собой – прямо сейчас, – но вместо того язык присох у нее к гортани, а мозг парализовал страх.

В следующее мгновение эльф исчез. Прошло еще несколь-

ко минут, прежде чем женщина смогла закричать.

Ликование, которое чувствовал Кит-Канан после бегства, исчезло сразу же, как только ворота Ситэлбека захлопнулись за ним и укрыли его за мощными стенами. Украденная лошадь, спотыкаясь от усталости, остановилась, и эльф соскользнул на землю.

Но, несмотря на истощение, он не забывал о женщине, давшей ему шанс бежать. Ее лицо, окруженное ореолом огненных волос, оставило неизгладимый отпечаток в его памяти. Он не знал, увидит ли ее когда-нибудь.

Над Кит-Кананом вздымались высокие стены, утыканные заостренными бревнами. Вокруг он видел лица своих воинов. Раздались неуверенные приветственные крики, но потрясение от поражения повисло над Гончими, словно тяжелый покров.

За последний год Ситэлбек сильно разросся, расползаясь по окружающим полям, и теперь он протянулся более чем на милю в поперечнике. Центральная крепость представляла собой каменное строение в эльфийском стиле, с высокими остроконечными башнями. Вокруг крепости теснилось множество домов, лавок, барачков, постоянных дворов и других зданий, окруженных лабиринтами стен, блокгаузов и боевых площадок.

Крепость была построена в виде нескольких концентрических кругов. Внутри имелись колодцы, обеспечивавшие постоянное снабжение города водой. Провиант – главным об-

разом зерно – хранился в просторных амбарах и силосных башнях. Запасы стрел и горючего масла в огромных чанах располагались вдоль стен. Большая часть армии Кит-Канана благодаря поспешному отступлению под командованием Парнигара нашла убежище за этими стенами.

И, тем не менее, когда армия Эргота готовилась окружить крепость, Гончим оставалось лишь ждать.

Кит-Канан шел мимо своих воинов, направляясь в штаб, который он разместил в сторожке у главных ворот. Глядя в расширенные, застывшие глаза Гончих, он ощущал напряжение и страх, граничивший с отчаянием.

Кроме воинов, здесь были женщины и дети. Многие женщины происходили из людей, дети их были полуэльфами – это были жены и отпрыски западных эльфов, из которых образовалась армия Гончих. Кит разделял их печаль так же искренне, как и горе эльфийских женщин – здесь их было еще больше.

Он понимал, что всем им придется урезать свой рацион. Осада явно продлится до осени, а может быть, люди сумеют удержать город в кольце всю зиму.

Глядя на детей. Кит ощутил острую боль. Он не знал, сколько из них увидит следующую весну.

Осень, год Ворона

Лорд Квимант явился на встречу со Звездным Пророком в Приемный Зал. Кузен Герматии привел с собой еще одного эльфа – отважного с виду парня, с крепкими, жилистыми руками могучего бойца, с лицом, покрытым несмываемой сажей.

Ситас, сидя на своем изумрудном троне, наблюдал за приближающейся парой. Зеленая мантия ниспадала с плеч Пророка, собирая и рассеивая свет трона, отчего казалось, что правителя окружает мягкое сияние.

Ситас пристально смотрел на посетителей, но мысленно находился далеко – за много тысяч миль отсюда.

Несколько недель назад он получил письмо от Кенкате-друса с сообщением о пленении и предполагаемой гибели Кит-Канана. За ним, с промежутком менее чем в два дня, последовало послание от самого брата с душераздирающими подробностями спасения: схватка со стражей, кража быстрой лошади, безумное бегство из лагеря и, наконец, преследование, закончившееся лишь тогда, когда люди и Кит-Канан оказались на расстоянии полета стрелы от могучей крепости Ситэлбек.

Ситэлбек – город, названный в честь его отца, предыдущего Звездного Пророка. Много раз Ситас размышлял об иронии судьбы – ведь отец его был убит на охоте именно там,

практически в виду крепостных стен. Насколько знал Ситас, это была первая и последняя поездка отца на западные равнины. И все же из-за этих полей Ситэл готов был ввязаться в войну, поставить под угрозу будущее нации. А сейчас Ситас, первый из двойни, продолжал эту борьбу. Оправдает ли он надежды своего отца?

Неохотно Ситас заставил себя вернуться мыслями к настоящему, в то место, где он находился сейчас.

Вдоль стен зала стояла навтыжку дюжина эльфийских гвардейцев, вооруженных алебардами, в серебряных нагрудниках и высоких шлемах с плюмажами. Они бесстрастно и безмолвно наблюдали, как к трону приближается благородный господин.

Ситас взглянул на Квиманта. Высокородный эльф был облачен в длинный черный плащ и светло-зеленую шелковую тунику. Красные облегающие штаны и мягкие черные сапоги дополняли его наряд.

Лорд Квимант из клана Дубовых Листьев действительно был очень красив. Но, кроме того, он был разумен и сообразителен, внимателен ко многим опасностям и возможностям, которые без него ускользнули бы от Ситаса.

– Это мой племянник, – объяснил лорд. – Ганрок Эку, главный кузнец. Я рекомендую его, мой Пророк, на место придворного кузнеца. Он сметлив, быстро учится и очень трудолюбив.

– Но заказы дворца всегда выполнял Геррлок Алая Луна, –

возразил Ситас. Затем он вспомнил: Геррлок ослеп неделю назад в результате несчастного случая, от искры из кузнечного горна. По какой-то причине уголь внезапно вспыхнул, и глаза мастера обожгло так сильно, что жрецы Сильваноста не смогли вернуть ему зрение. Проследив, чтобы за королевским кузнецом хорошо ухаживали и обеспечивали ему всевозможный комфорт, Ситас пообещал подобрать замену.

Он взглянул на стоявшего перед ним молодого эльфа. На лице Ганрока появились морщины, свидетельствующие о зрелости, а могучие мускулы его торса говорили о долгих годах труда.

– Отлично, – согласился Ситас. – Покажи ему королевскую кузницу и выясни, что ему нужно, чтобы начать работу.

Он подозвал одного из стражей и велел ему сопровождать Ганрока Эку в кузницу, которая находилась в задней части дворца Квинари.

– Благодарю тебя, Высочайший, – произнес кузнец, поклонившись. – Я постараюсь хорошо работать для тебя.

– Отлично, – повторил Пророк.

Кузнец покинул зал, но Квимант остался, и, когда он обернулся к Ситасу, его узкое лицо решительно напряглось.

– Что с тобой, лорд? Ты выглядишь расстроенным.

Ситас жестом велел Квиманту подойти.

– Гильдия плавильщиков, Высочайший, – ответил высокогородный эльф. – Они отказываются – просто отказываются – работать в литейных цехах ночью. Без дополнительной ста-

ли производство орудия обескровлено, ее едва хватает для каждодневных нужд.

Ситас тихо выругался. Тем не менее, он был благодарен Квиманту за информацию. Гордый наследник клана Дубовых Листьев значительно повышал эффективность военных приготовлений в Сильваносте указанием на детали – такие, как эта, – которые без него скрылись бы от внимания Пророка.

– Я поговорю с плавильщиком Кериларом, – пообещал Ситас. – Это упрямый старый эльф, но он понимает, как важно оружие. Я заставлю его понять, если это окажется необходимым.

– Очень хорошо, Высочайший, – с поклоном отвечал лорд Квимант. – Есть ли новости с фронта?

– Никаких. Последнее письмо пришло неделю назад. Гончие по-прежнему осаждены в Ситэлбеке, а люди свободно разгуливают на спорных территориях. У Кита нет шансов вырваться. Его окружает стотысячная армия.

Лорд мрачно покачал головой, затем устремил тяжелый взгляд на Ситаса.

– Ему нужно помочь войсками – другого выхода нет. Ты ведь понимаешь это, не так ли?

Ситас твердо встретил взор Квиманта.

– Да, я понимаю. Но единственный источник свежих сил – новобранцы из города и прилегающих поместий кланов. Ты представляешь, какой шум поднимется по этому поводу?

– Как долго сможет твой брат удерживать крепость?

– У него достаточно провизии, чтобы протянуть до весны.

В битве он, конечно, понес ужасные потери, но оставшиеся солдаты хорошо вымуштрованы, а крепость неприступна.

Новость о крушении как громом поразила эльфийскую столицу. Когда стало известно, что две тысячи молодых горожан – две пятых из тех, кто так гордо отправлялся на запад! – погибли в бою, Сильваност на неделю погрузился в траур.

Ситас получил известие о битве одновременно с сообщением о том, что его брат пропал без вести, а скорее всего, убит. На два дня его мир скрылся под черным саваном отчаяния. Новость о том, что Кит в безопасности, в некоторой степени облегчила его бремя, но перспективы одержать победу по-прежнему не было никакой. Сколько еще пройдет времени, мучительно размышлял Пророк, прежде чем оставшиеся в живых Гончие падут под натиском врага?

Затем постепенно отчаяние перешло в гнев – гнев на ограниченность его собственного народа. В Дни Правосудия толпы эльфов наполняли Приемный Зал, мешая ходу разбирательств. Негодование горожан подогревалось известиями о том, что Гончие не понесли почти никаких потерь по сравнению с отрядами из Сильваноста. Теперь обычными стали разговоры о том, что хорошо бы оставить западные земли людям и Гончим: пусть они сражаются за них, пока не перебьют друг друга.

– Очень хорошо – значит, он сможет продержаться, – Квимант говорил почтительно, но твердо. – Но он не может вырваться! Мы должны послать свежую армию, большую армию, чтобы обеспечить ему поддержку!

– Есть еще гномы. Мы сначала должны узнать их намерения! – указал Ситас.

– Фу! Если они что-нибудь и сделают, это будет слишком поздно! Мне кажется, Тан-Кар симпатизирует людям настолько же, насколько и нам. Гномы никогда ничего не предпримут, пока он остается их голосом и ушами!

Но он не их голос и уши. Мысль об этом принесла Ситасу небольшое облегчение, но он ничего не сказал Квиманту, продолжавшему свою речь, хотя про себя обдумывал тайную дипломатию. Таманьер Амбродель, все зависит от тебя!

– И все же, мне кажется, нам придется потерпеть его. Он наша единственная надежда на заключение союза.

– Как всегда, добрый кузен, твои слова – отражение моих мыслей. – Ситас выпрямился, показывая, что разговор закончен. – Но я решил пока подождать. В настоящее время Кит-Канан в безопасности, а со временем мы узнаем больше.

Он надеялся, что это правда. Крепость была неприступной, и людям, без сомнения, потребуются месяцы, чтобы подготовиться к согласованной атаке. Но что потом?

– Отлично. – Квимант смущенно кашлянул, затем добавил: – Как поживает моя кузина? Я не видел ее несколько недель.

– Роды приближаются, – ответил Ситас. – К ней из своих поместий приехали сестры, и жрицы Квенести Па велели ей оставаться в постели.

Квимант кивнул:

– Прошу, передай ей привет от меня, когда увидишь ее. Желая ей быстро разрешиться от бремени и родить здорового ребенка.

– Благодарю.

Ситас наблюдал, как элегантный аристократ покидает зал. На него производили впечатление манеры Квиманта. Лорд знал, что нужен трону, это доказывали те полгода, что он провел в Сильваносте. Он выказал понимание желаний Пророка и, по-видимому, хорошо работал, чтобы исполнить их.

Пророк услышал, как открылась одна из боковых дверей, и, оглядев просторный зал, заметил вошедшую женщину в шелковом платье. Она нежно взглянула на фигуру на сверкающем троне, усыпанном мерцающими зелеными точками.

– Матушка, – с восторгом произнес Ситас. В эти трудные дни ему нечасто приходилось видеть Ниракину во дворце, и это посещение оказалось приятной неожиданностью. Когда мать приблизилась, он был поражен тем, насколько она постарела внешне.

– Я увидела, что ты один, – тихо сказала она сыну, который поднялся и подошел к ней. – Ты так часто занят делами государства... и войной.

Он вздохнул:

– Война теперь мой образ жизни – образ жизни всего Сильваноста.

Он почувствовал сострадание к матери. Ситас часто размышлял о смерти отца как о событии, взвалившем ему на плечи бремя правления. И забывал, что одновременно эта смерть сделала его мать вдовой.

– У тебя не найдется минутки прогуляться со мной? – попросила Ниракина, взяв сына под руку.

Он кивнул, и они молча прошли через огромный зал с хрустальным дверям, предназначенным лишь для членов королевской семьи. Двери беззвучно распахнулись, и мать с сыном очутились в садах Астарина. Справа темнели деревянные строения королевских конюшен, а перед ними открывалась манящая красота королевских садов. Ситас сразу ощутил легкость и спокойствие на душе.

– Тебе нужно гулять здесь чаще, – мягко упрекнула его мать. – Ты стареешь раньше времени.

Она осторожно держала его под руку, позволяя выбирать тропинку.

Их окружал сад, с высокими живыми изгородями, густыми кустами, отяжелевшими от покрытых росой цветов, с прудами, бассейнами, фонтанами. Это был уголок живой природы, превращенный эльфийскими жрецами, служителями короля бардов Астарина, в выдающееся произведение искусства.

– Благодарю тебя за то, что ты привела меня сюда, – с ти-

хим смехом сказал Ситас. – Иногда мне нужно напоминать об этом.

– Твоему отцу тоже время от времени нужны были мягкие напоминания. Я старалась дать ему это, когда наступала необходимость.

На мгновение Ситаса захлестнула волна печали.

– Мне не хватает его больше, чем когда-либо. Я чувствую, что... не готов занять его трон.

– Ты готов, – твердо заявила Ниракина. – Твоя мудрость поддерживает нас сейчас – в тяжелейший период со времен войн с драконами. Но поскольку ты готовишься стать отцом, ты должен понять, что нельзя целиком отдавать жизнь своему народу. У тебя есть еще и семья, ты должен думать о ней.

Ситас улыбнулся:

– Жрицы Квенести Па не отходят от Герматии. Они утверждают, что это произойдет со дня на день.

– Жрицы и ее сестры, – пробормотала Ниракина.

– Да, – согласился Ситас.

Сестры Герматии, Гелинна и Лиат, переехали во дворец, как только стало известно о ее беременности. Они были вполне приятными женщинами, но Ситасу стало казаться, что его покои теперь ему не принадлежат. Это было неприятное чувство, но он пытался подавить его ради Герматии.

– Она изменилась, матушка, сильно изменилась, ты должна была это заметить. Герматия стала другой женщиной еще до того, как узнала, что ждет ребенка. Она служит мне под-

держкой и утешением, как когда-то.

– Это все война, – сказала Ниракина. – Я заметила перемену, о которой ты говоришь, она пришла с войной. Она и ее клан Дубовых Листьев расцвели на почве всей этой суеты. – Женщина помолчала, затем продолжила: – Прежде чем войти, я заметила, что уходит лорд Квимант. Ты часто беседуешь с ним. Он оказался полезен тебе?

– Да, очень. В этом причина твоей озабоченности?

Ниракина вздохнула и покачала головой:

– Я... Нет-нет, не в этом. Ты стараешься на благо Сильванести, и все, что служит тебе на пользу, хорошо.

Ситас остановился у каменной скамьи. Мать села, а он принялся лениво расхаживать под дрожащими ветвями серебристой осины, листья которой мерцали под легким ветерком.

– Ты не получал известий от Таманьера Амброделя?

Ситас заговорщически улыбнулся:

– Он благополучно прибыл в Торбардин и надеется связаться с кланом Хилар. Если ему повезет, он встретится с самим королем. Тогда мы выясним, добросовестно ли этот Тан-Кар выполняет свои обязанности посла.

– И ты никому не рассказал о миссии лорда Амброделя? – осторожно осведомилась мать.

– Нет, – успокоил ее Ситас. – Мы с Квимантом и в самом деле обсуждали сегодня гномов, но я даже ему ничего не сказал о нашей тайной дипломатии. И все же я хотел бы узнать,

почему нам необходимо соблюдать такую секретность.

– Не сейчас, прошу тебя, – отказалась Ниракина. Небо постепенно затянулось легкой дымкой, я в порыве ветра уже чувствовалось приближение зимы. Ситас заметил, что мать дрожит в своем легком шелковом платье.

– Пойдем, пора возвращаться, – сказал он, предлагая ей руку.

– А твой брат? – нерешительно начала Ниракина, когда они возвращались к хрустальным дверям. – Не можешь ли ты послать к нему еще солдат?

– Пока не знаю, – с мукой в голосе ответил Ситас. – Могут ли я рискнуть вызвать мятеж в городе?

– Возможно, тебе нужно лучше разузнать обстановку.

– Кто может сообщить мне что-нибудь новое? – скептически спросил Ситас.

– Сам Кит-Канан.

Двери распахнулись, и из башни повеяло теплом. Мать остановилась и повернулась к сыну лицом.

– Верни его домой, Ситас, – настойчиво попросила она, взяв его руки в свои ладони. – Верни его домой и поговори с ним!

Ситас был удивлен собственной реакцией. В предложении оказался неожиданный здравый смысл. Оно сулило надежду, это возвращение, оно объединит его народ, которому грозит раскол. Но каким образом мог он сейчас вызвать домой брата, окруженного гигантской вражеской армией?

На следующий день Квимант снова оказался первым и самым важным посетителем Ситаса.

– Мой господин, – начал советник, – пришел ли ты к решению относительно набора новых войск? Мне не хотелось бы напоминать тебе об этом, но время уходит.

Ситас нахмурился. В мозгу его возникло непрошеное воспоминание о сцене на берегу, когда первый отряд отправлялся на войну. Теперь более половины этих эльфов мертвы. Как отнесется город к отправлению на запад еще одного, большего отряда?

– Пока нет. Я хотел бы подождать, пока... – Он осекся. Ситас чуть не проговорился о миссии Амброделя. – Я еще не готов к этому, – заключил он.

Он был избавлен от необходимости дальнейшей дискуссии – в этот момент в зал вошел Станкатан, его дворецкий. За величавым эльфом, облаченным в черный шерстяной жилет, следовал посланец, забрызганный дорожной грязью, в кожаной куртке разведчика Гончих. В руках посланца был свиток пергамента со знакомой печатью красного воска.

– Письмо от моего брата? – Ситас вскочил на ноги, узнав печать.

– Его привез курьер, который переправился через реку сегодня утром, – пояснил Станкатан. – Я немедленно проводил его в башню.

Ситаса охватил восторг, как и всегда, когда раз в две недели прибывал курьер с последними сообщениями от Кит-Ка-

нана. Но восторг этот охлаждали мрачные новости о его брате и осажденном гарнизоне.

Он взглянул на курьера – эльф приблизился и низко поклонился. Ситас заметил, кроме дорожной грязи и пыли, перевязь, поддерживающую его правую руку, и повязку с темными пятнами на левом колене.

– Благодарю тебя за старание, – произнес Ситас, оценивая кавалериста. Эльф выпрямился после этих слов, словно похвала Пророка бальзамом пролилась на его раны. – Что помешало тебе в пути?

– Обычный сторожевой патруль, Высочайший, – ответил эльф. – Но у людей нет волшебников, и они не могут скрывать тропы с помощью магии. В первый день моего пути мне помогло волшебство – я стал невидим, и заклинания спасли меня и моего коня. Затем благодаря быстроте лошади я смог ускользнуть и попал лишь в одну небольшую стычку.

Звездный Пророк взял свиток, сломал восковую печать и осторожно развернул письмо, на время забыв о Квиманте. Лорд молча ждал; если он и был раздражен, то ничем не выдал этого.

Ситас с серьезным видом читал письмо.

«Передо мною, брат мой, простирается безбрежное людское море. И, в самом деле, они окружают нас, подобно тому, как океан окружает остров, полностью отрезав нам путь наружу. Лишь с большим риском удастся моим курьерам проникать через вражеские линии – и лишь заклинания моих

магов дают им некоторое время, чтобы пробраться незамеченными.

Какова будет теперь судьба нашего дела? Атакует ли нас армия Эргота и возьмет приступом крепость?

Лошади их кружат под нашими стенами, но достать нас они не могут. Два других крыла присоединились к генералу Гиарне еще прежде, чем он достиг Ситэлбека, и число вражеских солдат поистине поражает воображение.

Генерал Гиарна, как я узнал, – имя врага, с которым мы столкнулись этой весной, того, кто оттеснил нас с равнин. Мы захватили нескольких пленных из его войск, и они говорят о нем с преданностью и уверены, что настанет день, когда он разгромит нас! Я наблюдал за ним несколько часов, когда находился в плену. Этот человек наводит страх. В нем есть что-то мрачное и жестокое, что отличает его от всех врагов, которых я встречал когда-либо.

Собираются ли гномы выступить из Торбардина и прорвать кольцо с юга? Это, брат мой, был бы воистину подвиг дипломатии с твоей стороны. Если ты обеспечишь их поддержку, моя благодарность будет безгранична!

А может быть, эльфы Сильваноста вступят в бой, объединившись против угрозы, нависшей над нацией? Это, боюсь, наименее вероятно – по крайней мере, судя по тому, что ты пишешь об апатии и беспечности нашего народа. Как протекает дипломатическая битва, брат?

Надеюсь, что тебя развлечет рассказ об одном событии,

которое принесло нам немало беспокойства, даже нагнало на нас страха. Я уже писал тебе о лавовой пушке, которую выстроили карлики, – сооружении размером с гору, ее тащит сотня быков; ее каменная глотка обращена к небу и изрыгает дым и огонь. Вскоре после того, как я написал тебе последнее письмо, орудие установили в виду Ситэлбека. Оно стояло на расстоянии около трех миль от города, но возвышалось так угрожающе и громыхало так яростно, что мы воистину обезумели от страха!

В течение трех дней карлики суетились вокруг чудовищного сооружения. Они взбирались по его стенкам, сыпали уголь в его чрево, загружали в жерло огромное количество навоза, пыли и красного пороха. Все это время орудие шипело и пыхтело, и на третий день равнина скрылась под облаком.

Потом карлики вскарабкались по стенкам орудия и начали копошиться на его верхушке, словно на вершине небольшой горы. Должен признаться, что мы с немалой тревогой наблюдали за тем, как одно из крошечных существ размешивало что-то в котле у самого края жерла. Наконец карлик вылил содержимое котла в орудие. Все остальные разбежались, на расстояние в добрых полмили.

Целый день солдаты Эргота испуганно жались друг к другу, взирая на ужасное орудие. Наконец мы поняли, что, по видимому, оно отказалось стрелять, но лишь на следующее утро карлики подползли к нему выяснить, в чем дело.

Внезапно пушка начала пыхтеть, хрипеть и дымить. Карлики стремглав кинулись в укрытие, и мы ждали и смотрели еще целый день. И лишь на третье утро мы увидели орудие в действии.

Оно выстрелило с ужасающей силой на расстояние многих миль. К счастью, мы, ее цель, оказались в безопасности. Основной, сокрушительный удар дождя пылающих камней приняла на себя людская армия, разбежавшаяся по равнине.

Мы увидели, как тысячи вражеских лошадей (к сожалению, лишь небольшая часть от общего числа), обезумев, понесли через поля. Целые полки исчезали в смертоносном шквале, прокатившемся по армии.

На мгновение я подумал было, что у нас появилась возможность произвести неожиданную атаку и прорвать кольцо. Но когда я отдавал приказ, ряды армии генерала Гиарны уже сомкнулись, прикрывая брешь. Его всадники доказали, что ловушка по-прежнему надежно заперта.

Тем не менее, происшествие нанесло армии Эргота ущерб. Мы возблагодарили богов за то, что враги промахнулись; если бы удар пришелся по Ситэлбеку, то мое предыдущее письмо к тебе оказалось бы последним. Пушка превратилась в груды камней, и мы каждый день молимся, чтобы враги не смогли восстановить ее.

Передавай мои наилучшие пожелания моему будущему племяннику или племяннице. Кто это будет? Возможно, читая это письмо, ты уже знаешь ответ. Я могу лишь надеять-

ся, что когда-нибудь сам это узнаю. Надеюсь, Герматия чувствует себя хорошо.

Мне, как всегда, не хватает твоего совета и присутствия, брат. Я тешу себя мыслью, что если бы мы смогли объединить наши усилия, то нашли бы выход из этого тупика. Но, увы, челюсти капкана крепко держат меня, и я понимаю, что там, в столице, ты в такой же ловушке, как и я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.